LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

№ 46 декабрь — 1933 — 1-nci kânun № 46

СОДЕРЖАНИЕ — İÇİNDEKİLER

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ „ГОРЦЫ КАВКАЗА" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес.	на год
Во всех странах Европы .	0,50 долл.	1 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	1,5 долл.

Цена отдельного номера 5 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska Nr. 17 m. 18. Warszawa, Pologne.

„KAFKASYA DAĞLILARI" MECMÛASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl.
Avrupanın her memleketinde	0,5 dol.	1 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	1,5 dol

Tek nushası 5 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne.

Горцы Кавказа ≡ Kafkasya Dağlıları

LES MONTAGNARDS DU CAUCASE — THE MOUNTAINEERS OF CAUCASIA

ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА

№ 46 ДЕКАБРЬ — 1933 — 1-nçi KÂNUN № 46

ÇEÇENİSTANDA HANİ AULU—АУЛ ХАНИ В ЧЕЧНЕ

Sovyet haricî siyasetinin 1933 deki yekûnları

1933 nci yılın beynelmilel hayatı, bizi çok alakadar eden mühim hadiselerle doludur.

Bu hadiselere yol açan, Hitlerin Almanyada iş başına gelmesi oldu. Millî-sosyalizmin garbî Avrupanın en büyük devletinde iş başına gelmesi beynelmilel hayatta derin değişmelere sebep oldu; bilhassa—ki bizim için daha ehemmiyetlidir—Rusyanın haricî siyasetini yeni bir istikamete sevketti.

Bâzi devletlerin matbuatı ve siyaset adamları, bu son hadiseyi, Sovyetler birliğinin beynelmilel nüfüzünü artıran şüphesiz bir muvaffakiyet telakki etmeğe maildirler. Öyleleri de var, ki bu değişmeyi, Sovyetlerin son yıllar zarfında „dahilî yapıcılıktaki muvaffakiyetlerile" alakadar bir kuvvet nişanesi bile telakki ederler.

Bu bakışlar bizce temamile subjektiffir. Bununla, sovyet rejiminin yeni meddahları, Rusyayi kendi faydaları için istifade etmek istiyorlar.

Vaz'iyeti objektif olarak tahlil ederken tam başka neticeler elde ediyoruz. Sovyetlerin 1933 deki beynelmilel siyaseti kudret ve satvatının artması neticesi değildir; ayni zamanda milletler arası münesebetinde normal surette istirak etmek arızusundan dahi doğmıyor. Sovyetlerin beynelmilel aktivitesi—canını kurtarmak için zaman çöpunden bile ümit bekliyen boğulan bir adamın aktivitesine benzer: bu güc alameti olmaktan ziyade tam ve hudutsuz bir gücsüzlüğe delalet eder.

Filhakika, 1933 ün Temmuzunda Londrada Sovyet hükûmetinin teşebbüsû ile bağlanan misak, Sovyet Rusyanın kuvvetli olmasını mı gösterir? Daha dün kati revizionist cephesinde duran ve mevcüt hudutları tâbiî addeden beynelmilel bütün muahedeleri reteyliyen Rusya bu Londra misakile status quo'yu muhafaza alemdarı oluyor. Bundan başka bu vakta kadar rus topraklarının ayrılmaz ve koparılmaz bir parçası addettiği Bessarabiya ile Lehistan erazısının bir kısmından temamile vaz geçtiğini ilan ediyor.

„Proletaryat ölkesi "haricî işler komeserinin, düne kadar cihan kapitalizminin dayağı addettikleri devlet reisinin yanına „tanınma" dilenmek için yaptığı seferini dahi biz bir kuvvet tellaki edemeyiz. „Tanıma" vaki oldu ve diploması münasebatı başladı. Fakat nasıl, ne bahasına?.

Kapitulasyon rejimi mukabilinde! Tanıma mukavelenamesi mücibince, Amerika vatandaşları kendilerini Sovyet Rusyada, Çinde olduğu gibi hissedecekler. Sovyet gazettelerinin ve Avrupa ile Amerikada yeni töreyen Sovyet „dostlarının" hararetle bahsettikleri bu tanima hadisesi kuvvete ve nüfüzün artamasına hiç delalet eder mi?

Sovyetlerin beynelmilel „muvaffakiyetleri" hakkında vaki olan bu medhiyeler bizi kat'iyen endişeye düşürmiyor. Bu „muvaffakiyetlerin" asıl kiymetini biz pek âlâ biliyoruz. Çünkü daha yakın geçmişteki Rusyayı hatırladığımız gibi hali hazırda Sovyet rejiminin dahilen ne halde bulunduğunu da eyi biliyoruz. Rusyada her şey olduğu gibi—çar hükûmeti zamanında nasıldıysa öyle kalmıştir. Yalnız dekor değişmesi vuku bulmuş mahiyet ise aynıdır. Rusya ciddi bir derbaya tahammülü olmıyan topraktan ayaklar üzerinde bir gevde olarak kalıyor. Orada, hakim milletle mahküm milletler arasında tezatlar günden güne artmaktadır. Uzün yıllardan beri esir milletler hesahına yaşamış olan ruslar temamile bozulmuş, kahramança fedakârlıklar talep eden sistematik emeğe ve mütemadî savaşa gayri müstait bir hale gelmiştir.

Hâkim kuvvet tarafından, safdil seyyahların gözünden dıkkatla saklanan Rusyanın bu hakikî yüzüdür, ki onu haricî siyasette aktif olmaya sevketmiştir. Sovyet Rusya zaifliğini derkediyor ve idrak onu her hanği bir sarsıntıdan, bilhassa haricî harpla alakadar sarsıntıdan kormağa mecbur kılıyor. Bugün harp tehlikesi daha real olduğundan Rusyanın korkması son derecesini bulmuştur. Rusya harptan korkuyor ve ne bahasına olursa olsun bu harbin önüne geçmek istiyor, Rusyanın hudutsuz korkusu onu Londra misakının müteşebbisi roluna soktu ve hariciye komiserini Amerikaya tâzime gönderdi.

Sovyet Rusya bu muahedelerle istediğini elde ede bilecekmi? Hayır! Harp tehlikesi ortadan kalkmamış, (zaten kalkamaz da) beynelmilel kombinezonlar ise Rusyayı harp vukuunda kurtaracak değildir. Bu muahedeler Rusyanın askerî kudretine ümit bağlayanlar için ancak bir ye's kaynaği ola bilir.

Yukarıda kaydettiğimiz benzeyişler dolayısile, Sovyet Rusya da, çar Rusyası gibi, harpta maglup olacaktır.

Cihan harbına girerken çar Rusya pek kuvveti müttefiklere malikti; o zaman rus milletindeki ruh yüksekliği şimdi muhtelif sovyet „darbaçılarının“ reklam ettirdiklerinden daha çoktu. Harbin başlarında rus şehir ve köylerinde, ellerinde ikon ve çarın resmi olan büyük kitlelerin dolaştığım ve „nemets“ ve „Almanya“ sözünü eşidince bunların nasıl kızdıklarını pek âlâ hatırlıyoruz. Rus milletinin vatanperverliği pek samimî idi.

Fakat, bu heyecanın neticesi Rusya için çok feci oldu. Harbin başındaki yüksek heyecana bakmıyarak, harp Rusyanın izmihlâlile neticelendi. Halbuki Rusyanın müttefikleri harptan muzaffer çıkmışlardı. Tanrılaştırılan çar, daha dün eteğini öpenler tarafından öldürüldü.

Her bir harbın Rusya için böyle neticelerle biteceğine biz iman edenlerdeniz. Rus milletinin sukut ve inhilâl devri başlamıştır; o artık eski pozisyonlarını muhafaza edemiyecektir. Rus satveti artık hiçtir. 1933 hadiseleri, bilhassa sovyet komiserinin diploması „muvaffakiyetleri“ bu hakikatı sureti kat'iyede meydana koymuştur.

Canbek Havjoko

David Urkhart

Dağlıların istiklâl uğrundaki savaşlarile alakadar olarak, on dokuzuncu asrın ilk yarısında, Garpta, bilhassa İngilterede, çerkes dostluğu yayılmış ceryanlardan biriydi. İngiliz çerkesofilleri o zamanki dağlı millî davasını yaymakta ve propaganda etmekte büyük aktivite gösteriyorlardı. Bu yolda İngilterenin resmî siyasetine tesir etmek ve bu siyaseti dağlı millî davası için faydalı bir mücraya çevirmek onların istedikleri şeylerden biriydi. İngiliz çerkesofillerinin o zamanlarda en aktivi ve en marufu David Urkhart'ti. Bu adam bir müddet İngilterenin İstanbul sefareti kâtibi olmuş ve bu vazifede iken çerkes problemi ile bilavasıta tanışmıştı.

İngiltere hükûmetinin bir memuru sıfatile dağlı mes'elesile alakadar olan David Urkhart, bilâhere millî davamızın hararetli taraftarı kısildi ve bütün hayatını bu davanın faydasına vakfeyledi.

Hararetli çerkes vatanperverine çevrilen bu çok büyük sımanın hayat ve faaliyeti hakkında dağlı okuyucuları layık olduğu derecede tenvir eylemek için elimizde kâfi mîktarda matbu materyal mevcut değildir.

Biz bu makalede demek olur, ki yalnız Gertrud Robinson'un kitabından istifade ediyoruz. (David Urquhart, some chapters in the life of a Viktorian knight-errant of justice and liberty, by Gertrude Robinson). Fakat bu eser de Urkhartın, hayatının bir kaç on yılını hesrettiği bu çerkesofil faaliyeti etrafile tenvir etmiyor.

Yukarıda kaydettiğimiz gibi, David Urkhart, İstanbulda sefaret kâtibi iken, 19-nci asrı otuzuncu yıllarından çerkes mes'elesile doğrudan doğruya tanışmaya muvaffak olmuştur. O zamanlar çerkeslerin Babiâli ile sıkı temasları vardı. Çerkesler, Rusya ile olan savaşlarında, Babiâlinin yardımını temin etmek istiyorlardı. Sultanın sarayında çerkes sefirleri ve çerkes mümessilleri görünüyordu. Bunlar resmî muhafilde Kafkasya mes'elesine ve dağlıların istiklâlleri için giriştikleri savaşa alaka uyatmağa calışıyorlardı. Şarka çok derin simpatisi olan genç Urkhart, İstanbul sokaklarında görünen bu çerkes sefirlerine ehemmiyet vermiye bilmezdî. Onun, diploması memuriyeti dahi bu işe dikkat etmesini icap ettiriyordu; çünkü o zaman İngiltere hükûmeti, Rusyanın Kafkasyadaki muvaffakiyetlerini büyük bir endişe ile takip etmekte idi.

Netice itibarile, Urkhart, İstanbula gelen çerkes rüesasile itibat tesisine muvaffak oldu. Çerkes rüesasile olan şahsî temaslar onun çerkesofillik simpatisini bir kat daha artırdı ve o, kendi tabirile, „bu kadar necip millete“ yardım için resmi mevkiinden istifadeye karar verdi.

Bunun için, Urkhart'in amiri bulunan o zamanki ingiliz sefiri lord Ponsonbi'de çerkeslere yardım lüzümü hakkında bir kanaat uyatmak icap ediyordu. Urkhart sefiri inanduruyordu, ki ingiliz diplomasisi dağlı mes'elesine büyük bir alaka göstermeli, ve, eğer mümkünse, savaşta olan dağlılara yardım etmelidir. Lord Ponsonbi, Urkhart'in fikirlerini temamile takdir etmiş ve, mes'ele ile o kadar alakadar olmuş, ki Urkhart'a Kafkasyaya gidip, bizzat mahallinde çerkeslerin vaz'iyet, ihtiyaç ve imkânlarını tetkik etmeyi rica etmiştir.

1834 nci yılın yaz sonlarında Urkhart, yanında kapitan Layon (Lyon) olduğu halde

Semeze (şimdiki Novorossiysk) geldi. Ona sultanın sarayında olan çerkes mümessilleri tarafından Kafkasyada çerkes rüesesine tavsiye mektupları dahi verilmişti. Urkhart, hiç ümit etmediği bir tantana ile karşılandı. Bilâhere yazdıklarına göre, an'anevî çerkes misafirperverliğini ömrünün sonuna kadar unutamamıştır. Onun ziyaretinden çıkan siyasî netice. Tuapse yakınındaki Aguy deresinde tertip edilen kurultay oldu. Bütün aksakalların ve ordu kumandanlarının toplandığı bu bin kişilik kurultaya Urkhart dahi davet edildi. Kurultayda iştirak eden çerkesler ağır vaz'iyetlerini etrafile tesvir ettikleri gibi, bu vaz'iyetin başlıca silah ve cephane azlığından ileri geldiğini dahi izah ettiler. Kurultayda Urkhart dahi konuştu ve bu konuşmada son derece ihtiyat ve ketumiyet gibi âkılane yol tutmuştur. Urkhart nutkunda demiştir, ki: Rusya ile savaşlarında dağlılar, her şeyden evvel kendi güclerine güvenmelidir; hali hazırda kenardan yardım almak imkân haricindedir. Dağlılar için en doğru yol mütekabil birliği temin ve düşmanla savaşta müşterek sayla hareket etmektir, Nutkunun sonunda Urkhart, çerkesler için faydalı olmaya var kuvvetile çalışacağını, fakat peşinen hiç bir vaitte bulunmak imkânında olmadığını kaydetmiştir. Nutuk türkce söylenmiş ve hemen adiğey diline tercüme edilmiştir. Dinleyenler üzerinde son derece eyi tesir burakan bu çok akılane ve ketümiyetli nutuk ve, alelumum Urkhart'in insanlarla konuşmasını bilmesi, ona bütün çerkeslerin muhabbetini temin etmiştir. O tam bir itimat kazandı; o kadar, ki çerkesler ona kendi aralarında kalıp bütün milletin başında durmayı teklif ettiler.

Fakat, Urkhart başka vazifeler karşısında idi. O, kendi hükûmetini çerkesler leyhinde bilavasıta işe çekmek kararına gelmişti. Ömrünün sonunu kadar çerkes millî davası için faaliyetine nihayet vermemek üzre, o 1834-nçi yılın Eylül başlarında misafir perver çerkes sahillerini terketti. İstanbula geldikten sonra, temamile Çerkesistanda gördüklerinin tesirinde bulunan Urkhart diyordu, ki: „Rusya çerkesleri hiç bir zaman fethedemiyecektir.

Çerkesistan hiç bir zaman hiç bir devletin olmamış, ona göre kimse onu başka bir devlete güzeş edemez, Rusya, hiç bir zaman kendisinin olmıyan Çerkesistanı, yeniden geri almak için Türkiyeye güzeşt etmişti".

İstanbula geldikten sonra Urkhart lord Ponsonbi'ye maruzede bulundu. Lord Ponsobi bu maruzeden son derece memnun olarak, dedi, ki: „Sizin çerkesleri ziyaretiniz büyük hadiselerin başlangıcı olacaktır".

Filhakika, lord Ponsonbi ile Urkhart'in arizu ettikleri istikamette olmasada, bu ziyaret gürültülü neticeler verdi. Urkhart'in ziyareti hakkında lord Ponsonbi'nin yazdığı rapora, o zaman İngiltere hükûmetinin haricî siyasetini idare eden lord Palmerston, çok kesğin bir mektupla cevap verdi. Bu mektupta, İngiltere ile Rusyanın arasını açacak bu ziyaret ve esasen Urkhart'in teşebbüsleri tekdir ediliyordu.

Lord Palmerstonun bu mektubuna, Ponsonbi aşağıki mektupla mukabele eyledi:

Terapiya

İkinci Teşrin 24 yıl 1834.

Azizim Palmerston,

Urkhart'in çerkesler arasındaki hareketinden endişeyi havi 10 tarihli mektubunuz münasebetile bir kaç söz söylemek istiyorum. Ben aydın olarak görüyorum, ki siz faktlara lâzım gelen ehemmiyeti vermemişsinizdir. Ve ben eminim, ki siz bu işi tetkik ettikten sonra temamile müsterih olacaksınız Çerkesler ihtilâle teşvik edilemezdi, çünkü onlar çoktandır Rusya ile harbediyorlar ve bir müddet evvel yeniden rus ordusunu bozmuşlardır. Onların nüfüsü 4 ile 6 milyon arasındadır; kendi haklarını ve hürriyetlerini korumağu, ve kendilerinin domuz sürüsü gibi Rusyaya sürülmesine müsaade etmemeğa kat'î azmetmişlerdir. Öyle bir ingiliz bulunmaz, ki, meselâ, Rusyanın haksiz olarak yaratmak istediği esarete karşı yürüttüğü bu necip savaşı muvaffakiyetle başarmak için nasıl hareket edilmesi sorulduğu zaman böyle bir millete yol göstermesin.

Deklarasyonlanda mukayet haklarını daha eyi koruya bilmek için fikir ögrenmek maksadile müracaat edenlere Urkhart yol göstermiştir.

Deklarasyonlarına göre onlar hiç bir zaman Rusya tab'ası olmamış, halâ de değiller ve istikbalde dahi olmıyacaklardır. Eğer, onların, millî istiklâllerini müdafaa eden deklarasyonlarının muhteviyatı bir çok başka mîlletler (meselâ amerikalılar tarafından) müdafaa edilseydi, tarafamızdan o milletlerin tanınması için kâfi esas mevcut olmuş olurdu. Cenubî Amerika mes'elesinde biz, bu memleketle müzakereye girişmek için kâfî derere de sebep bulmuştuk. (Cenubî Amerika cumhuriyetlerinin İngilterenin yardimile İspanya ile olan savaşlarına işaret — C. H.). Ondan daha evvel bu hadise Şi-

malî Amerika ile oldu ve bize imtisalen Fransa onun istiklâlini tanıdı.

Urkhart Kral Hazretlerenin diploması acentesi değildir. O, resmî bir memur sıfatını taşımıyordu. Onun seyahatı, istatistik istihbarat işine yarar bâzi malûmat toplamak gayesini güdüyordü. Onun ne sözleri ve nede hareketleri Kral Hazretleri hükûmetine bir borc yûkletemezdi. Nihayet onun İngiltere hükûmeti memurlarından olduğunu kimse bilmiyor.

Yukarıda yazdıklarıma, Urkhartile beraber giden kapitan Lyon'dan eşittiklerimi de ilâve etmeği bir vazife sanırım. Urkhart, çerkesleri tahrik etmek fikrinden uzak olmuştur. Onların sorğularına cevap verirken ve onları ihtiyatlı olmaya davet ederken, çok ihtimal, ki Urkhart sırfhakıkatı söylemiştir. O çerkeslere çok ihtiyatla hareket etmeyi tavsiye etmiş, onların tecrit edilmiş bir halde bulunduklarını anlatmış, maddî vesaitin kıtlığına ve ecnebi devletlerin hiç birinden yardım alınamyacağına işaret etmiştir.

Bunların çok kısmını bana söyleten insaf hissi, bir kısmını da bu işin neticesinde banda hasıl olan kanaattır.

Hakikatların dokumentleri Urkhart'tadır.

Bana itimat etmenizi rica ederim.

(—) *Ponsonbi.*"

Palmerston bu mektuba verdiği cevabî mektubunda Urkhart'in işten uzaklaştırılmasını talep etti. Palmerston yazıyordu, ki: „Çerkesistani ziyaret eden efendi Avrupanın emniyetini tehdit etmiştir."

O zaman İngilterede rusofillik (rus dostluğu) ve rusofobluk (rus düşmanlığı) gibi iki ceryanın çarpışmakta olduğunu nazari dikkate alacak olursak, lord Palmerstonun cevabı daha eyi anlaşılır. Bunlardan birinciyi, geniş rus piyasasını istifade etmek istiyen mançester fabrikaçıları ve onları ihate edenler temsil ediyordu. İngiliz haricî siyasetini idare edenler bu rusofil grupun tesiri altında bulunuyordu. Urkhart'in teşelbüsüne olan şiddetli aleyhdarlık ta buradan doğuyordu.

Ne ise, Palmerstonun ısrarı üzerine Urkhart Türkiyeyi terkederek İngiltereye hareket etti. Bugünden itibaren Palmerston, Urkhart'ın şahsında amansız bir düşman kazanmıştı. Rusyaya karşı olan opportunistik siyaset matlamatta, parlamentoda ve her vesile ile ardı-arası kesilmiyen hücumlara maruz kalmağa başladi. Ve bütün bu hücumların başçısı David Urkhart idi. Dördüncü Vilhelm'in son yıllarında (1835—1837), Urkhart'in faaliyeti sayesinde ingiliz efkâri umumiyesi kat'î surette rus aleyhdarı olmuştu. Urkhart, neşre başladığı „The Portfolio" mecmuasında Rusyanın Kafkasyadaki imperyalist siyasetini ifşaya girişti. İngilterenin az-çok büyük şehirlerinin hemen hepsinde „haricî işler komitesi" teşkil olunmuş, bu komiteler İngilterenin Kafkasya işlerine resmen müdahelesini propaganda ediyorlardı. Bir müddet sonra bu komitelerde, rus imperyalizminin tezahuru ile bağlı olan Lehistan mes'elesi de müzakere edilmeğe başladı. Bu komitelerin faaliyetinde İngilteredeki leh muhacirleri arasında büyük rol oynıyan ceneral Zamoyski aktif bir surette çalışmakta idi. Bilâhere Urkhart kendisi de, 1832 de kurulan „Lehistan dostlarının edebî cemiyeti", ne dahil oldu.

1836 de çerkes sahillerinde „Vixen" nam ingiliz gemisinin rus filosu tarafından tutulduğu zaman, Urkhart daha çok aktivite gösterdi. Bu gemi, Urkhart'in arkadaş ve kendisi gibi çerkesofil olan Bell'e ait idi. Gemi çerkeslere tuz götürmekte idi. Çünkü, ruslar tarafından abluka altında olan çerkesler tuza çok ihtiyaç hissediyorlardi. „Vixen" in ruslar tarafından tevkifi ingiliz matbuatında ve ingiliz efkâri umumiyesinde nefret tufanı kaparmıştı. Urkhart müthiş, Kafkasya sahillerinde ticaretin serbestisini müdafaa için müsellah müdehele lüzümünü ileri sürdü. Urkhart'a göre, İngilterenin şerefini müdafaa için bu müdaheleye ihtiyaç vardı. Onun siyasî dostları da parlamentoda bu hususta sorgular vermeğe başladılar. Harbın başlıyacağı, Urkhart'in çoktan arizu ettiği İngilterenin Kafkasya işlerine müdahelelesi vuku bulacağı muhakkak gibi görünüyordu.

Fakat bu defa da Palmestonun ihtiyatlı davranısı harbin önünü aldı. İngiltere güzeşt etti ve Rusyanın çerkes sahillerini abluka etmesini kabul etti.

Lakin bu muvaffakiyetsizlik de Urkhart'i azmından döndürmedi. O çerkeslerle daimî ve müntazam yazış makta idi.

Bu sayede ingiliz matbuatı, çerkeslerin ruslar aleyhindeki hareketleri hakkında en doğru malûmatı elde ede biliyordu. Gerek topladığı, gerekse kendi parasile o bir kaç defa çerkeslere silah ve harp levazımatı göndermiştir. 1854 de Urkhart Londrada çerkes heyeti murahhasını kabul etti ve onlar Londradan gidinceye kadar beraberlerinde aulundu. Çerkesler Türkiyeye sürüldükleri zaman Urkhart, çerkeslere mad-

dî yardım eden humsî komite teşkil eyledi.

Urkhart 1877 senesinde, Maısın 17 nde, 72 yaşlarında iken vefat etmiştir.

Onun dağlı milli davası yolunda ki faaliyeti ve hayatı daha esaslı tetkika muhtaçtır. Çünkü çok büyük ehemmiyeti olan mahsulu idi.

Bu faaliyet hakkında ve ingiliz efkâri umumiyesile hükümetinin dağlıların Rusyaya karşı savaşlarına noktai nazarlarını ögrenmek için Londranın Britanya muzesindeki tarihi vesaiki tetkik etmek lâzımdır.

Ahmet Tsalıkkatı

Yılanın fikri

(Şimalî Kafkasya masalı)

Çok eski zamanlarda idi, fakat ne zaman olduğunu kimse bilmiyor. Dağlarda, keçitlerden birinde bir adam yaşıordu. Adina Mysa derlerdi. Alğinet adında bir de çok güzel karısı vardı. Her kesin yaşadığı gibi yaşyorlardı. Ekmeklerini alın terile kazanmakta idiler. Tam mânasile mes'ut olacaklardı, eğer dertleri olmasaydı.

Dert ise çok büyüktü.

Çocuk olmıyan bir ailede saadet olamaz.

Onlar çok isterlerdi, ki bir erkek çocuğu sahibi olsunlar. Güzel Alğinet daima, gözleri yaş dolu olduğu halde, bir erkek çocuğu merhamet etmesi için büyük Allaha gizlice yalvarıp—yakarırdı.

Merhametli Allah zavallı kadının yakarışını eşitti.

Alğinet bir oğlan doğurdu.

İsmini İbrahim koydular.

Çocuk büyüyor. Günden güne kuvvetleniyor—ana babasının de gönlü seviniyor... Fakat insanın alın yazısını kim bilir.. Yarınki günü tayin eden olurmu. Doğum gününden ölüm saatına dekin herkesin meleki tarafından taşınan, insanın yazmışı (tâli') kitabında neler yazılmış olduğunu kim okuya bilir. Güneş li bir günden sonra hava tutula bilir, bulutların arkasından ise güneşin baktığını görürüz.

Güzel Alğinet souk aldı ve öldü. Musanın kolubası boşaldı. Musaya çok büyük felaket yüz vermişti, derdi büyüktü. Fakat teessüre kapılmak erkek işi değildir Teessürünü yenerek Musa gene agır işine girişti. Fenası şu idi, ki Musa işe giderken oğlunu yalnız başına evde burakmağa mecbar oluyordu.

Fakat Musanın evinde çoktandır bir canlı yaradılmış (mahluk) daha yaşıyordu. Musa ve onun merhum karısı bu yaradılmışa bağlanmışlardı. Kimsesizlikleri çağlarba onu ailenin bir uzvu sayarlardı.

Bu yaradılmış — bir yılandı. Bu yılan İbrahimi çok sevmişti. Arkadaş casına beraber oynarlardı. Musa da, hiç korkmadan, oğlunu yılanın bimayesine terkederdi.

Günler gelip geçiyordu.

İbrahim büyümekte devam ediyordu.

Bir gün, Musa gene evden giderken, âdeti üzre küçük kalıyı yere serdi, oğlunu oturttu ve önüne de kapta süt buraktı, işine gitti.

Akşam eve döndü.

Kapıdan içeriye girmek isterken biraden:

Ya—Allah!

diye bir feryat koparmağa mecbur oldu.

Feryadı evi titretti.

Oğlunun ruhsuz cesedi kalı üzerinde uzanıordu. Musa oğluna koştu. Onu elleri üzerine aldı.

Sarstı, boğuk sesile çağırdı:

İbrahim, İbrahim...

dedi.

Fakat çocuk babasına cevap vermiyordu. Musa kalıya baktı, tersine çevrilmiş süt kabi, ekmek biçağı ve yılan kuyruğunun kesilmiş ucunu gördü.

İbrahima döndü, ancak şimdi boynunda bir şerit gibi siyah bir şey gördü.

Oğlunun ölümündeki sirri anlamağa çalıştı.

Çok düşündü, en son buldu.

Yılan sütten içmek için İbrahima yaklaşmış, o ise biçakla oynamakta iken, gayri ihtiyari olarak yılanın kuyruğunu kesmiştir.

Yılan da hiddet içinde çocuğu bogmuştur.

* * *

Günler günleri, yıllar yılları takip ediyordu.

Zaman insan kederini tedavi eder. Musanın de derdi geçti. Âdet etti. Fakat Musa bir şeye âdet edemiyordu — yalnızliğa. Yalnızlık onu içinden gemiriyordu.

Ona göre eski dostu yılanı arayıp bulmağa karar verdi. Evin içinde gezerek çağırıyordu. Ant içiyordu ki verdiği keder

temamile unutmuştur. Bütün suçunu bağışladığını, yalnız eski dostluğu hatırladığını süyliyordu.

Yılan ise cevap vermiyordu. Musa bir kaç defa tekrar etti.

Bir gün çağırışına şu sesi eşitti: İnsan, sen ne istiyorsun?

Musa sevincle seslendi:

— Nihayet seni buldum. Bana dön, yapa yalnızım. İnan, ki yaptığın fenalığı çoktan unuttum. Gel yanıma Beraber yaşarız, gene döst oluruz.

Ses cevap verdi:

— Hadiseden dolayı çok müteessirim. Senin yalnız lığından da çok kederleniyorum. Fakat dönüp gene seninle bir yerde yaşayamıyacağım.

Doğru söyle, bana bakarken, daima bogduğum oğlunum siması gözünde canlanmıyacakmıdır? Ben isem, oğlun tarafından kesilmış kuyruğumu hiç bir zaman unutamıyacağım. Allaha ismarladık, Musa, ve beni bir daha çağırma...

MIRZEM-KUE YZ-EDDINE

Adiqé ççixer

Adiqem y'i verkige re, y'i tsoifige re, y'a ççxeme y'a gesacoe jy p'soenev citt. Acme ççim yevenix, kiyn r'a xin p'ouev zicay vi mi ccin.

Axeme y'a gesenige ppay adiqem i mi soen cioep. Ccim y'i gesenige arev cittev zere yeppillixerem ppay, ççev a gasexere; daxev, tcanev, psincoev, me huix. Adiqé çç' gesècoe xabzeme a nah ' daxer ssid zi p' oue je: ççir yej zi difayem cuoev zere fiyttev cihuev, a taupci nah' dje zi ' theguguane querem ye ppxigev a oigirep Faye zi huixe dje coaleme a nah ' tsoicuoer ari m'y, i tsoe je yedjager, tte cioemy kesîjui, zie queremy ççivev tteysir keye fesoeimy z' y mi gehhiyev, i passhe keyevîtsue nah coere co' y æjev xehjirep.

Zi ' adiqé querem, zi ççi' gesège daxe querem nah y'i mi oev cittig. À ççim y'i kebzenig e re, y'i tteyeplé daxe re a feso je; Kuineytre Mivstecarim llessev i qui riyhiy neyêpy nitcêpy à ççir i cefev zi oeco' y gehenim ccahu re quikane y'i mi oev cittig. Avzegue loicuoem, loicuoer i vivvi yittev, aktcem di r' a gehîxev ççir i cenev kizere tti r'a genenim ppay, adiqé kuejelo' themicoem dy i anêpeitigex.

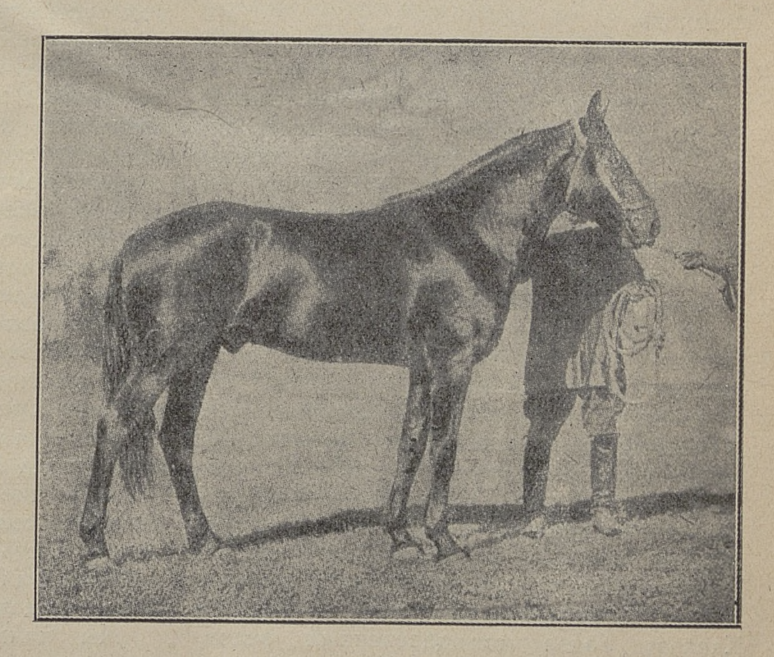
Ac fedé quezegue ççir zi yem zi guequi r'a mittixxe zê huim, kettêjy Mivstecarim dy kacuoiy r'y onager. Suê seoa?...

—Mi'ççir aktce ppay, adiqem y'i çç' gesoage i cag â ouev pçisev ke z' genen p' ouev vi mi quig; av s'y çç daxev gesuoagev, se zere s'oigirem fedev p'oigin coe quiccèoe pitte ki se p'tti me, adiqeme y'a ççxeme a dinesijev, mi ' fedev zere gesagexer vi zi xehejict ' oevrivperisme a llegiun ppay ttev ki ve s' ttin r'y auag.

Mivstecarim adiqem y'i quiccaoexer lessev i qui rîyhig adedem ki zi cîstty a s'y kuess'dax.

Adiqem y'i loige re y'i gesenigé daxe re a ppay nah, adiqé oessage quere zi oecoe z'gâhe zi' s'fiy coaser ppemicoep ki r'y ouejig.

Ac ttêyettev fran'sizim ççer i cciy quisuoe quezegue cuoeyige.



Adiqê ççi

Шакман

К вопросу о Пакте Конфедерации Кавказа

Органическое единство Кавказа зиждется, главным образом, на глубоком патриотизме его населения. Географическое положение страны и общность исторических судеб выработали в народах Кавказа любовь и готовность к самопожертвованию за Родину, Отечество. Занимая свыше 350 тыс. кв. кил., наше Patrio, наш Кавказ населен более чем 10 милл. массой кавказцев, обладающих общим историческим прошлым, психологической и экономической общностью. Эти последние общие элементы являются основами каждой государственности и завершаются третьим элементом самостоятельного (государственного) существования: политическим или организационным устроением данной страны.

Этот третий элемент огосударствления, в любой стране, при наличии у населения первых двух элементов, должен пройти через многие кровавые испытания, прежде чем привести страну к конечному результату — устроенному государству.

Кавказ, лежащий на стыке Европы и Азии, на пути великих передвижений народов, для завершения своей государственности был в менее благоприятных условиях, чем любое из современных государств.

Исторические попытки руководящих кругов некоторых народов Кавказа к государственному оформлению последнего не раз осуществлялись, — иногда частично, а порою полностью, но это бывало лишь на короткий срок, т. к. способы и формы тогдашних об'единений не всегда удовлетворяли национальным запросам того или другого кавказского народа, входившего в такое об'единение.

В порядке прогресса основных элементов государственности Кавказа и, в частности, организационного метода его об'единения, в пореволюционный период был выброшен лозунг Конфедерации 4-х суверенных республик Кавказа. Никогда прежде в истории Кавказа не было подобной попытки построить отношения кавкасских народов на основе равенства и сотрудничества. Ни одна другая форма государственного устроения не давала Кавказу более могущественный оплот, охраняющий целость и благосостояние республик Кавказа. Кавкасский политичесский партикуляризм, казалось, должен был быть изжит, ибо была найдена об'единительная формула, продиктованная самой тысячелетней жизнью и опытом кавказцев. Формула скреплялась и покрывалась врожденным кавкасским патриотизмом. Этот легендарный кавкасский патриотизм должен был стать краеугольным устоем, на котором развивалась бы сила и крепла жизнеспособность Кавкасской Конфедерации.

Пореволюционные руководители кавкасских национально-политических организаций должны были осознать, формулировать и претворить в жизнь не только вышеуказанные основы кавкасского государства, но и с'уметь использовать подсознательные и интуитивные чувства своих народов, направив их к огосударствлению Кавказа. Но в этом они оказались не одинаково на высоте своего положения. Вместо того, чтобы, сгладив некоторые наносные шероховатости, существующие между некоторыми кавкасскими народами и являющиеся наследием русского владычества, приступить к об'единению всего Кавказа — ответственные руководители, в смысле организационном, устремились в сторону обособления государственного устроения своих республик и стали ориентироваться при этом на силы, лежащие вне Кавказа. Это послужило к углублению общекавкасских недоразумений, а так же стало исключительной причиной последовательного подпадения всех кавкасских республик под иго красного русского империализма.

Надо надеяться, что Кавказ в последний раз вписал в страницы своей истории разрозненную кровавую борьбу за свою независимость. Кавкасский патриотизм развивается и крепнет и никакой вражеский режим не в состоянии его погасить. И мы верим, что недалек тот момент, когда Кавказ вновь обратит на себя внимание мира. Внутреннее и внешнее положение СССР и мировая политическая ситуация говорят за это.

Готова ли кавкасская политическая эмиграция к надвигающимся событиям?

Мы думаем, что в жизни Кавказа эта эмиграция может сыграть решаю-

щую роль в деле его освобождения и устроения. Что это так, достаточно вспомнить работу, проделанную эмиграцией ряда народов, возродивших на наших глазах свое государственное бытие. Правда, наша эмиграция не сделала еще всего того, что она могла сделать, но, все-же, работа ее имеет ряд несомненных достижений.

Символом этих достижений является Комитет Независимости Кавказа, опирающийся на доверие и поддержку политических центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, представляемых у первых двух республик Национальными центрами, а у Северного Кавказа Народной партией горцев Кавказа. Комитет этот прилагает все свои усилия к тому, чтобы ввести в орбиту проводимой им борьбы все национальные силы Кавказа. Национальные центры трех сотрудничающих народов Кавказа давно уже признали необходимость декларирования Пакта Конфедерации Кавказа, который еще более должен уточнить достигнутое единство. Остановка только из за выяснения некоторых деталей, кои находятся накануне разрешения.

* * *

В вопросе о Пакте Конфедерации Кавказа Н. П. Г. К. стояла и стоит на точке зрения возможно полной концентрации всех кавказских сил, создания единого кавказского руководящего органа за-границей, который координировал бы общекавказскую работу, и заключения таких соглашений между центрами кавказских республик, кои давали бы Северному Кавказу максимум гарантий в деле освобождения и общей защиты всего Кавказа, как конфедеративного государственного организма. Отдельные сотрудничества ad hoc, в особенности action directe на Кавказе, при отсутствии этих предварительных соглашений чреваты опасностями для народов Кавказа, в частности, для горцев, ввиду их особого географического и стратегического положения.

Н. П. Г. К. не может не подчеркнуть чувство сожаления (разделяемое центрами Азербайджана и Грузии) о том, что Армения не представлена в Пакте Конфедерации Кавказа. Сожаление это усиливается еще и тем, что армяне, живущие на территории Северо-Кавказской республики, тесно сжились с горцами. В проэкте Пакта Конфедерации Кавказа резервируется место и для Армении. Мы надеемся, что зарубежные армянские политические организации пересмотрят, в конце концов, свою тактическую платформу и приобщатся к Пакту.

Армянские политические организации переоценили свои силы и возможности. Они повели Армению, без достаточных к тому данных, в сторону осуществления своей большой программы и тем самым выбили на время Армению из общекавказского русла. Армянская общественность там, на местах, уже сделала, безусловно, из этого опыта соответствующие выводы, которые привели ее вновь к общекавказскому единству действия.

Но, к сожалению, в зарубежной армянской политической общественности еще не заметны сдвиги в этом направлении. В течении всего периода эмиграции, азербайджанская, грузинская и северо-кавказская общественность солидарно искали сговора с зарубежными политическими представителями Армении, но все попытки кончались неудачей, ибо армянские политики не изжили еще своей старой политической концепции. Но, несмотря на это, мы твердо верим, что последующие события и политическая обстановка создадут благоприятную почву для полного и окончательного сговора всех автохтонов Кавказа.

Эта организационная заминка при реализации общекавказского об'единения не должна останавливать более конкретизацию об'диненной работы трех сотрудничающих кавказских республик, тем более что там, на Родине, теперь уже нет места тем причинам, кои помешали об'единению Кавказа и привели его вновь к потере независимости.

Анализ прошлой и прогноз будущей политической ситуации Кавказа диктуют политическим центрам Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, в лице Национальных центров и Ц. К. Народной партии горцев Кавказа, необходимость самого тесного единения в деле освобождения и устроения Родины. Таковая солидарность должна вылиться в форму общей политической и тактической платформы 3-х ныне сотрудничающих кавказских центров. Основой же этой платформы должен стать Пакт Конфедерации Кавказа.

И. Веса

Порабощенная Ингрия

Редакция, помещая статью о братском нам народе Ингрии, присланную г. Веса, делает это с тем большим удовольствием, что, в лице г. Веса, Северный Кавказ, как мы уже неоднократно отмечали, имеет в Финляндии неутомимого пропагатора своих национально-освободительных идей. Мы приветствуем народ Ингрии и верим, что в недалеком будущем он достигнет, как и мы все, своих заветных желаний и воссоединится с своей матерью—Финляндией.

Редакция.

„Населению Петербурга неизвестно, что обозначает слово „Ингерманландия", хотя в нашей столице издается газета под этим названием. Русские солдаты не знают, что такое из себя представляет Ингерманландия, хотя одно из значительных мест нашей армии, Красное Село, находится в центре Ингерманландии. Им известно только то обстоятельство, что вокруг лагеря живет чуждый им народ, говорящий на чужом языке и устраивающий свои посевы так, чтобы они во время маневров непременно растоптались, а казна должна была-бы потом платить за причиненный вред большое вознаграждение. Нашим офицерам и солдатам неизвестно, что, в случае войны, этот народ, по всей вероятности, стал-бы на сторону нашего неприятеля".

В таком духе выразился редактор „Нового Времени" 25 лет тому назад об Ингрии и ее населению. Полагаю, что для читателей „Г.К." не без'интересно будет познакомиться с народом, о котором орган царского правительства счел нужным выдать такой „лестный" аттестат.

Русско-Финляндская граница на Карельском перешейке—между Ладожским озером и Финским заливом—проведена насильно, ибо тот же самый народ, который живет в свободной Финляндии, живет и за ее границами на 130 км. к югу; те же самые фины, что и в самой Финляндии, населяют приблизительно 15.000 кв. км. (окрестность Петербурга) — территорию, называющуюся Ингрией или Ингерманландией.

Ингрия населялась с незапамятных времен финскими племенами. Ее коренное население составлял народ, называвшийся водью, о котором имеются сведения уже с IX-го столетия. Независимость води продолжалась, по всей вероятности, до XI-го века, когда их покорили новгородцы и стали называть ту страну „Водскою пятиною" (т. е. пятой частью Новгородского княжества). В новгородском вече у води были свои представители.

В 1333 году Новгород уступил большую часть Ингрии в ленное владение лифляндскому князю Наримонту за оказанную последним Новгороду поддержку в борьбе против московских князей. В 1478 г. Иван III покорил Новгород, присоединив его со всеми его владениями к Москве. Таким образом, и Ингрия была присоединена к Москве. Постоянные войны, голод и болезни наносили тяжелые удары водскому народу. Благодаря энергичной руссификации, продолжавшейся в течении многих веков, русским удалось достигнуть своей цели — слить этот народ в одно с русскими. В настоящее время число людей водского племени едва-ли превышает 1000 человек. Старшее поколение говорит еще по-водски, но молодое уже весьма мало знакомо с языком своих прадедов.

Другое коренное население Ингрии, относящееся к восточно-финскому племени,—ингры. Количество их может насчитываться около 20.000 человек. Они, также как и водь, боролись храбро против своих врагов, но пали под напором Новгорода. Так же, как и водь, они сильно потерпели от войн между шведами и русскими.

В 1617 г. в д. Столбове, недалеко от гор. Шлиссельбурга, заключен был между Швецией и Россией „вечный мир" и Ингрия была присоединена к Швеции. В 17 столетии в опустошенную Ингрию переселилось много народу из Финляндии; от этих переселенцев и происходит большая часть (около 130 тыс.) нынешнего населения Ингрии (около 150 тыс.).

Шведы навели в стране порядок и начали заботиться о народном просвещении. Был произведен приходский раздел, в городах начали основываться школы. Финское национальное чувство и материнская вера укоренились до того, что они смогли противостоять последовавшему потом долговременному влиянию со стороны русских.

В 1701 г. в Ингрию пришли опять русские под предводительством генерала Апраксина, разорив многие села и деревни. В мае 1703 года Петр I был уже хозяином Невы и основал при устье этой реки, в центре чисто финского населения,

новую столицу своего государства. Страна начала наполняться русскими переселенцами, местности переименовывались с финского на русский язык. Наименование самой страны „Ингрия—Ингерманландия" было устранено со списков в 1710 г. и прежняя Ингрия стала называться Петербургской губернией. Свободный крестьянин Ингрии попал в крепостную зависимость к русскому помещику, имея для себя лишь мозолистые руки да сгорбленную спину.

В 1861 г. Александр II вынужден был подписать манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Это, конечно, не могло не повлиять и на положение в Ингрии. Крестьянин мог уже посвятить свое время работе на собственном крошечном участке земли, ему не надо было идти на бесплатную работу к помещику.

Но прекращение крепостной зависимости повлияло не только материально на жизнь в Ингрии; оно принесло с собой много улучшений в культурном отношении. Уже в 1863 г. основана была в дер. Колппана, поблизости гор. Гатчина, финская учительская семинария. Новые школы стали открываться с каждым годом, национальная жизнь начала развиваться с большой быстротой. Образовались певческие хоры, духовые оркестры, добровольные пожарные дружины, общества трезвости, общества молодежи и т. д. В 1891 г. в первый раз устроен был общеингрийский певческий и музыкальный праздник, а после шесть таких же праздников. Нужно-ли упоминать, что программы были исполнены исключительно на своем родном, финском языке.

В 1860 г. вышла первая финская газета в Ингрии, с 1879 г. издавался весьма содержательный „Финский Календарь", который имелся в каждой семье. Для певческих праздников и хоров было издано три „Сборника песен Ингрии".

Из Финляндии выписывалось множество газет и журналов, оттуда же доставлялись все книги на родном языке. Почти в каждом приходе имелась финская библиотека; в Петербурге был финский книжный магазин, а перед Рождеством Христовым странствующие книгопродавцы распространяли в деревнях значительное количество религиозной литературы и журналов.

Ингрия — страна песен. Песнею утешался ингриец в угнетении, песнею же ободрялся он в борьбе против своих угнетателей. Песня сохраняла в нем любовь к честности, справедливости и свободе; песня удержала его от слияния с русским народом. Когда ингрийский старец отпускал своего сына или свою дочь из дому, то он обыкновенно говорил: „Когда придешь в деревню, то войди в ту хату, из которой песню услышишь: там живут добрые люди".

До чего богата поэзия маленькой Ингрии видно из того факта, что из финской национальной эпопеи „Калевала" 9 толстых томов, содержащих около 450.000 стихов, собрано в Ингрии. Любой большой народ мог бы гордиться таким результатом.

В конце XIX века учитель Моисей Путро сочинил и скомпонировал „ингрийский национальный гимн", начало которого в переводе гласит: „Вставай, Ингрия, на работу! Утренняя заря тебе уж отражается. В твою ночную жизнь свет уж разливается"... Но царский цензор не стерпел здесь слова „Ингрия" и поэтому оно должно было быть заменено словами „народ мой"!

В 1917 г. казалось, что в Ингрии действительно „отражается утренняя заря", После февральской революции, 23-го апреля в Петрограде собрались представители всех финских приходов и волостей вырабатывать основу для грядущей национальной жизни. Собрание постановило единогласно, что с осени во всех учебных заведениях обучение должно пойти на родном языке и по национальной программе. Приступлено было к расширению семинарии и основанию междукоммунального об'единения. Общества молодежи об'единяются в союз. Сельско-хозяйственные общества и кооперативы были организованы уже раньше и об'единяются теперь вокруг своего ингрийского центрального кооперативного союза „Айта".

До тех пор обращавшиеся в Ингрии газеты и иные публикации печатались в Финляндии [главным образом, в Выборге и Вильманстранде], теперь-же основывается своя финская типография на кооперативных началах. Учительство финизируется все больше и больше; в 1918 году в Ингрии было 314 народных школ и в них уже 248 учителей преподающих на финском родном языке. Вырабатывается проэкт для школьного самоуправления, в губернских и уездных земствах учреждаются особые финские отделы народно-

го просвещения под руководством своих людей; сельские общества выбирают для своих школ правления, которые должны заботиться о материальном благополучии школ и о выборе подходящих учителей для своих детей. Народ Ингрии был уверен, что в конце концов он таки достиг долгожданного освобождения.

Но это был лишь призрак, минута ясной погоды перед грозой. Вскоре показались мрачные тучи на ингрийском небосклоне, и не пришлось долго ждать, как свирепый ураган уже безжалостно ломал этот крошечный, но жизнеспособный народ. Подобно буре, советское правительство начало уничтожать все, что с трудом в течение десятилетий было восстановлено, все, что во время многих поколений было собрано.

Ингрийский крестьянин привязан крепко к своему маленькому участку земли и своей лютеранской вере, он любит беспредельно индивидуальную свободу. Безбожничество и богохульство огорчают его глубоко. И поэтому ингрийцы взялись за оружие, чтобы выгнать своих новых угнетателей.

Весною 1919 г. был организован Ингерманландский полк, храбро и с успехом сражавшийся против большевиков. Но одновременно с ним наступающие к Петрограду „белые русские", верные своим империалистическим традициям, не могли стерпеть успешную деятельность ингрийцев. Командир т. н. Северного корпуса ген. Родзянко разоружил и расформировал Инг. полк за то, что (по его словам) „ингерманландцы хотят организовать свою республику и назначили в Сойколовскую волость уже своего коменданта". Обезоруженных же ингрийцев он хотел распределить по своим русским полкам. На это первые, конечно, не могли согласиться и почти все покинули Северный корпус, кто бежав через залив в Финляндию, кто отправившись в Эстонию. Из оставшихся в Эстонии был образован еще особый Инг. батальон, сражавшийся под эстонским командованием до начала 1920 года, когда между Эстонией и СССР был заключен мир.

Другой Ингерман. полк был образован в Кирьясало [Сев. Ингрия] под командованием финского подполковника Эльвенгрена, принимавшего участие и в освободительной войне крымских татар. Этот Северно-Ингерманландский полк наступал дважды на большевиков, но из-за своей малочисленности и отсутствии поддержки со стороны Финляндии вынужден был отступить под напором многократно превосходящих сил большевиков. В декабре 1920 года, после заключения мира между Финляндией и СССР, и этот полк расформировался.

Ингрия вновь попала под иго русского империализма, на этот раз особенно невыносимое. Около 15.000 ингрийских финов находится теперь в ссылке в Сибири, Соловках или на Хибинских рудниках на Кольском полуострове, изнемогая от недостатка пищи и одежды, от чрезмерных принудительных работ и вредных для их здоровья климатических условий. Но советскому правительству народ не хочет подчиниться и из депортационных поездов раздается псалм „В Боге замок наш могучий". А когда остающихся еще дома хотят принудить идти в колхозы, они отвечают: „Подайте больше товарных вагонов и набейте их нами. Мы лучше умрем в изгнании с честным людьми, чем примем вашу позорную систему".

Такой народ, как бы малочислен он ни был, имеет полное право на существование и самоопределение и мы уверены, что он добьется своей долгожданной свободы.

Ногай

Красный империализм

За десятилетие, с 1921 до 1930 г.г., СССР на международной арене выступал, как государство-отщепенец, как интернациональный бунтовщик, стремящийся перенести свои разрушительные идеи на окружающие народы, и подчинялся правилам международных отношений только постольку, поскольку этого требовала официальная сторона дипломатических сношений.

Советская дипломатия служила ширмой, за которой шла оживленная работа коминтерна.

Основным стержнем внешней политики Москвы, была установка на „мировую пролетарскую роволюцию"—т. е. на мировой

большевизм, без которого „вожди пролетариата" не мыслили себе возможность длительного существования в условиях экономическо-политической и культурно-духовной изолированности. Эта ориентация на мировой большевизм находила свое проявление в таких деяниях большевиков, как разжигание „классовой борьбы" на Западе и поддержка национальных движений в странах Востока и колониях, с расчетом „переключить" национально - освободительную войну не классово-большевистскую, когда это станет необходимым и возможным для Москвы. Примерами подобной деятельности могут служить: предхитлеровская Германия с ее многомиллионной компартией, созданной коминтерном; Польша и Балканы, где за период 1922—28 г.г. большевики весьма старательно разжигали „классовую борьбу"; революция в Испании, которую Москва пыталась направить в большевистское русло. На Востоке мы имеем пример Турции, воевавшей за советское золото; Авганистана, где во времена Аманууллы-Хана агентура коминтерна стремилась проложить путь большевизму в Индию и где в междуусобной войне авганских племен в 1928—29 г.г. принимали участие советские войска и самолеты; наконец, гражданская война в Китае, где советские генералы и офицеры служили в армиях Чан-Кай-Шека и Фын-Юн-Сьяна.

Но жизнь с ее сугубо-реальными требованиями рассеяла иллюзию „мировой революции", возникшую в ограниченных мозгах марксистско-мыслящих вождей большевизма.

Теория „мировой пролетарской революции" потерпела крах, при чем крах этот начался прежде всего с идеологических основ названной теории.

Компартия, в лице большинства, сама же отвергла теорию „перманентной революции", выдвинутую Троцким, приняв взамен теорию „построения социализма в одной стране", делая, таким образом, первый шаг назад от международного большевизма.

Теория „перманентной революции" гласила, что „пролетарская революция" в одной стране должна была вызвать революционные движения в других странах. Троцкий отрицал возможность „построения социализма в одной стране" в условиях капиталистического окружения, предлагая взамен этого перейти в непосредственное и немедленное наступление на капитализм, опираясь на русский и международный пролетариат.

Сталинисты и „правые" были более осторожны и выдвинули в противовес Троцкому программу „построения социализма" пока у „себя в стране", одновременно поручив коминтерну подготовлять почву для „мировой революции", которая, согласно большевистской „астрологии", должна была наступить в недалеком будущем.

Хотя борьба сторонников „перманентной революции" со сторонниками теории „построения социализма в одной стране", была борьбой не идей, а только служила ширмой, за которой дрались за власть „политические наследники" Ленина,—однако, провал теории „перманентной революции" остается фактом.

Сталинисты, по уходе троцкистов, не замедлили расправиться со своими недавними союзниками—„правыми" вождями большевизма, и, покончив с „домашними дрязгами", приступили к „постройке социализма" и планомерной подготовке „революции в мировом масштабе" в странах Востока и Запада.

Однако, как известно, еще при жизни Ленина произошел конфуз с турецкими большевиками. Мустафа Кемаль, использовавший большевиков, беспощадно расправился с Мустафа Субхи и другими турецкими коммунистами, присланными коминтерном в Турцию для „переключения" национальной турецкой революции на революцию классово-пролетарскую.

При Сталине подобные явления повторялись в различных вариациях.

Китай, на который в 1926—27 г.г. сталинисты склонны были смотреть, как на вторую Совдепию, не оправдал ожиданий Москвы. Гражданская война в Китае не приняла классового характера, чего так жаждали большевики, и коминтерн, делавший ставку то на одну то на другую из борющихся сторон, вынужден был уйти с позором, окончательно скомпрометировав себя в глазах китайских националистов.

В Авганистане москвофил Аманулла-Хан вынужден был уступить престол англофилу Надир-Хану, а „авганский народный вождь", водовоз Баче-Сакао, окончил жизнь на эшафоте.

Испанская революция не вышла на „пролетарский путь", Балканы не советизировались, а Германия, вместо того, чтобы зажечь пожар большевизма в Европе, выдвинула Хитлера и коричневые рубашки,

которые пришлись больше по душе немецкому народу, чем красное знамя коминтерна.

Одним словом, жизнь свела к нулю десятилетнюю работу Москвы по подготовке „мировой пролетарской революции".

„Построение социализма в одной стране" тоже не ладилось.

В целях создания „мощной социалистической промышленности", которая, кстати, не оправдала возложенных на нее надежд, была разорена деревня, которая должна была выдержать всю тяжесть пресловутой пятилетки.

Путем грубых аграрных реформ—„коллективизации деревни на базе уничтожения кулака, как класса", большевикам не удалось переделать крестьянской мелкособственнической психологии на пролетарскую. Крестьянин, подчиняясь силе, пошел в колхозы, но остался таким же сторонником индивидуального хозяйства, каким был в продолжении многих веков.

Жизнь отвергла искусственный социализм, о котором так красочно писали пророки большевизма—Маркс и Энгельс.

Вместо социализма, Россия пришла к госкапиталистической форме хозяйства, а вожди большевизма превратились в обыкновенных империалистических акул, сохранив в руках красное знамя, подобно тому, как Франция сохранила марсельезу в устах людей, ничего общего не имеющих с Маратом и Робеспьером.

Госкапитализм —это самый крупный капиталист - олигарх в мире.

Он не терпит, чтобы в пределах его владений кто-нибудь, кроме него самого, имел собственность. Отсюда насильственное превращение крестьянина в колхозника — т. е. в батрака государства, интелигенции—в безропотных служащих государства. Отсюда беспощадная эксплоатация рабочих под лозунгом „социалистического соревнования" и „ударничества".

Как это бывает в большинстве случаев в практике капиталистического накопления, колонии служат основным источником, откуда развивающийся капитализм черпает себе средства для дальнейшего разростания.

Московский госкапитализм, в поисках новых средств, бешено эксплоатирует внутренние советские колонии, именующиеся „национальными республиками".

Народы советского Востока, которых в первую очередь обещалась раскрепостить красная Москва, претендующая на роль „освободительницы Востока", первые ощутили на себе хищные щупальцы народившегося госкапитализма. Москва встречает в своих колониях стихийный и организованный отпор со стороны угнетаемых ею национальностей.

Нацмен-националист выступает теперь против Москвы не только как поборник попранных национальных прав своего народа, но и как борец - революционер, защищающий социальные права угнетенного.

Идея освобождения „угнетенного европейским империализмом" Востока красной Москвой, потеряла свою былую популярность. Народы Востока перестали верить большевикам и смотрят на развитие красного империализма со страхом и подозрением.

Большевизм эпохи Ленина, пройдя через стадию НЭП'а, пришел к сталинизму (империализму на базе госкапитала), и эволюцию эту можно считать законченной.

Факт этот принуждает СССР отказаться от своей претензии на роль „освободителя народов всего мира из под ига капитализма" и выступить в качестве обыкновенного капиталистического государства, идя нога в ногу с странами буржуазного мира. И мы видим, как Советский союз все более и более втягивается в сферу заинтересований иных капиталистических государств.

Ставка на мировой большевизм отброшена и заменена ставкой на свою государственную мощь — мощь госкапитала, управляющего $^{1}/_{6}$ частью земной суши и запустившего свои империалистические щупальцы в сопредельные страны Востока.

Советская дипломатия не только стремится завоевать себе равноправное место на международной политической арене, но и пытается играть роль политического медиатора, энергично принимая участие в международных политических комбинациях.

Подписание договоров о ненападении с западными и южными соседями, в целях обеспечения тыла на случай столкновения с Японией; дружба с Францией; открытое выступление против национальной Германии; начало сношений с Америкой в надежде на будущий союз против Японии, наконец, заигрывание с Лигой Наций — все эти факты достаточно рисуют новое лицо СССР.

В Москве красные империалисты усиленно готовятся к войне. Советская пресса часто пишет о возможности недалекого столкновения Советского союза со странами капиталистического мира. „Военная опасность" стала актуальной темой внутренней пропаганды большевиков. Советская общественность „ударным темпом" обрабатывается в духе защиты „пролетарского отечества". При этом вину за грядущую войну красные лицемеры сваливают на всех, кроме себя.

Однако, красный империализм просчитается на все 100%. Война, которую вызывают и которой, одновременно, боятся красные диктаторы, должна закончиться гибелью преобразованного ими империализма. Слишком сильны и непреодолимы внутренние противоречия в СССР, еще более созревшие и развившиеся в период красной диктатуры. В силу железных законов истории, СССР должен распасться на свои составные части; прогнивший колосс изменившей свой цвет России должен рухнуть, погребая под своими развалинами красно-русский империализм. На этот раз — навсегда.

Али Султан

Поучительный пример

В. Станкевич, в своей книге „Судьбы народов России" (между прочим, наиболее об'ективной из всех подобных книг, написаных русскими авторами), старается доказать нецелесообразность распада России и советует нам, народам „Прометея", примириться с нахождением в составе России, прельщая нас переспективами самой широкой автономии.

Вопреки обыкновению своих соотечественников, свою точку зрения Станкевич мотивирует не культуртрегерским мессианством русского народа (культуртрегерские тенденции в его книге минимальны), а велениями хозяйственной целесобразности, ненарушимостью экономического единства б. империи (между прочим, в старых границах), ибо-де нарушение этого единства пойдет во вред прежде всего тех, кто его нарушит. В. Станкевич сулит народам, стремящимся самоопределиться или уже самоопределившимся, экономическое банкрутство, причиной которого будет „легкомысленное" отделение новообразованных государств от „Hinterland'a"—России.

„Но в минуту действительного оживления,—излагает он эту мысль—как только начнется кругооборот товаров, воскреснет финансовая, промышленная и культурная работа,—разорванная ткань единого организма даст о себе знать мучительной болью, затяжным кризисом, общей депрессией от искусственных, хозяйственно не обоснованных государственных границ".

Книгу свою Станкевич писал в то время, когда народы, уже освободившиеся от России, делали свои первые шаги в качестве свободных государств, ощущая еще, согласно его определению, дыхание „безмерной разрухой войны и внутренней междоусобицы"—т. е. тогда, когда послевоенное „действительное оживление" не успело еще распространиться на эти народы*)

Поэтому для нас, не достигших еще желанного предела, от которого предостерегал народы б. империи Станкевич, интересно проследить, на примере народов уже отделившихся, — насколько оправдались предсказания Станкевича, и действительно-ли эти народы почувствовали свой отрыв от России „мучительной болью".

Ответ в данном случае был бы ответом не только на „сомнения" Станкевича и иже с ним, но и на маловерие тех из наших комПатриотов, которые сжились с широкими имперскими просторами и недооценивают сил и возможностей собственной территории — хотя и не так импонирующе-обширной, но своей и блиской сердцам нашим.

Наиболее поучительной для нас является судьба малых государств — Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии, ибо между их действительностью и действительностью кавкасской существует много аналогий, много сходства. Они не только сходны с кавкасскими государствами по величине территорий и количеству населения, но, во многих случаях, в одинаковой степени с этими государствами перенесли разрушительное влияние русского владычества, по-

*) Книга издана в 1921 г.

следствия которого им необходимо было преодолеть.

Итак, разберем—действительно-ли независимость стала для Балтийских государств началом „затяжного кризиса" и „общей депрессии"?

Рассмотрим в начале довоенное положение Балтийских государств, которое наиболее рельефно представляется в бюджетных позициях тогдашнего государственного казначейства. До войны (в 1913 г.) доходы государственного казначейства на территории Латвии составляли:*)

Прямые налоги	8·3	милл рублей
Косвенные налоги	43·4	„ „
Таможенные сборы	9·2	„ „
Гос. монополии	25·4	„ „
Другие доходы	1·7	„ „
Всего	88·0	милл. рублей

Расходы-же за это время составляли:**)

Мин. внутр. дел	3·6	милл. рублей
„ юстиции	1·9	„ „
„ финансов	8·5	„ „
„ народ. просв.	2·9	„ „
„ путей сообщ.	20·6	„ „
„ торг. и пром.	2·0	„ „
„ земледелия	1·5	„ „
„ военного	7·5	„ „
„ морского	3·7	„ „
Гос. контроля	0·4	„ „
Синод	0·5	„ „
Чрезвыч. расходы	1·2	„ „
Всего	54·3	милл. рублей

Таким образом, до войны излишек в 33 милл. рублей уходил из Латвии в Россию. Помимо этого, как мы видим из распределения расходов, основная масса собираемых в Латвии средств шла на содержание русского милитарного и гражданского аппарата — русского в буквальном значении слова, ибо почти все чиновники и военнослужащие принадлежали к русской нации.

В Эстонии доходы достигали 52 милл. руб., а расходы—50 милл., при чем характер расходов был такой-же, как и в Латвии. В Литве доходы выражались суммой в 58 милл. рублей, а расходы—63 милл. рублей. Станкевич пишет, что, благодаря характеру русского режима, свыше 30% доходов в Литве поглощало военное дело и что, „сокращение по этой статье могло бы служить естественным средством для оздоровления бюджета". Финансы Финляндии были независимы от финансов России, и поэтому мы не будем их касаться.

Как мы видим из приведенных цифр, Балтийские государства не только не получали из имперского центра дотаций, но, наоборот, сами доставляли последнему значительные суммы. Экономическая зависимость их от этого центра поэтому была более чем сомнительной.

Это положение с особенной яркостью выявилось после того, как Балтийские государства провозгласили себя независимыми. Они не только приспособились к новым условиям, но и достигли ряда несомненных успехов в тот период „действительного оживления", который предшествовал мировому кризису (вызванному отнюдь не отрывом Балт. государств от России) и который, согласно Станкевича, был наиболее опасен для вновь возродившихся государств. Иллюстрируем наши утверждения фактическими данными.

Начнем с Латвии. Латвия, до войны, была типичной промышленно - аграрной страной, при чем руководящая роль в промышленности принадлежала не тем ее отраслям, которые работали местным сырьем и для местного рынка, а химической промышленности, которая всецело работала привозным заграничным сырьем, и металлообрабатывающей промышленности, работавшей на 80% русским сырьем. По месту сбыта латвийская довоенная промышленность работала на $^3/_4$ (74%) на экспорт и прежде всего на экспорт в Россию, которая забирала около 63% ее продукции. В 1914 году в Латвии было 810 предприятий с 113 тыс. рабочих; ценность производства достигала 310 милл. рублей.

Казалось-бы, в этих условиях проблема „Hinterland'a" должна была стать для Латвии неразрешимой. Однако, действительность показала иное. Независимая Латвия не только не вступила в полосу „затяжного кризиса и общей депрессии", но, наоборот, оздоровила свою хозяйственную жизнь, переустроив последнюю на началах, наиболее отвечающих нуждам страны и характеру населения.

Из страны промышленно-аграрной Латвия была превращена в страну, где сельско-хозяйственный сектор стал играть доминирующую роль. Благодаря умело проведенной земельной реформе, в стране появились 90 тыс. новых хозяйств, в которых разместился почти весь сельский пролетариат и довольно значительная часть городского пролетариата. Но известная фаворизация сельского хозяйства нисколько не отразилась на развитии про-

*) „Судьбы народов России", стр. 172.
**) там-же

мышленности. Вместо 810 предприятий в 1914 г., в Латвии в 1926 г. имелось 2732 предприятия, в которых работало почти 50 тыс. рабочих. Если мы примем во внимание, что, с об'явлением независимости, Латвию покинуло более 80 тыс. русских рабочих, *) то увидим, что почти весь латвийский рабочий элемент был занят в промышленности.

Что эта хозяйственная реорганизация не отразилась на Латвии „мучительной болью", мы видим из ее участия в международной торговой жизни, когда мир приступил к нормальному „кругообороту товаров". Латвия не только нашла новые рынки, но и восстановила на договорных, равных началах экспорт в Россию. Вот некоторые цифры, иллюстрирующие достигнутые в этом направлении успехи:

Латвия вывозила масла:

годы	килограммы
1921	15,164
1922	834,374
1923	2 898,613
1924	3,677,966
1925	7,124.245
1926	10,130,975

Точно так же увеличивался и экспорт мяса:

в 1924 г.	832,356	килограмм
„ 1925 „	2,061,826	„
„ 1926 „	3.628,961	„

Общая стоимость экспорта Латвии увеличилась с 162,0 милл. лат. *) в 1923 г. до 200 милл. лат в 1927 году.

Интересно еще привести цифры, иллюстрирующие развитие промышленной продукции, которая, по уверениям Станкевича, должна была более всего почувствовась отсутствие „Hinterland'a". Валовая продукция латвийской промышленности характеризуется следующими цифрами:

1922 год	136.8	милл. лат
1923 „	214.6	„ „
1924 „	243.6	„ „
1925 „	276.2	„ „
1926 „	310,8	„ „

Наконец, бюджет Латвии все годы общемировой проспериты сводился без дефицита.

Аналогично положение и в Эстонии. После отделения от „Hinterland'a", Эстония не захирела экономически, но пошла, подобно Латвии, по пути систематического приспособления своего хозяйства к новым условиям, преодолев все препятствия на этом пути.

Так например, в области аграрной Эстония превысила довоенные нормы, не смотря на то, что была совершенно отделена от традиционного потребителя своих продуктов — Петербурга. Сельско-хозяйственный экспорт Эстонии характеризизируется неизменным ростом, что видно из следующих чисел (в милл. эст. марок*).

Годы	Весь аграрный экспорт	Продукты скотоводства
1923	2276.0	986.1
1924	3504.6	1483.8
1925	4342.3	2822.6
1926	4497.0	2960.6

В частности, экспорт масла повысился с 999 тонн в 1922 г. до 8691 тонн в 1926 году.

На промышленности в Эстонии отделение от России отразилось в еще меньшей степени, чем в Латвии. В Эстонии некоторые отрасли промышленности даже значительно увеличили свою продукцию. Так например, довоенная продукция бумажной промышленности выражалась в 35.5 тыс тонн бумаги, в 1925 г. она равнялась 38.4 тыс. тонн. Соответственно увеличилось производство побочных продуктов: целлюлозы с 11.1 тыс. тонн до 16.3 тыс. тонн и картона с 7.7 тыс. тонн до 18.9 тыс. тонн. Огромное развитие мы видим и в почти неизвестной до войны промышленной разработке горючего сланца, запасы которого исчисляются в 41 милл. тонн (эстонский сланец содержит 20% нефти). В 1929 г. было добыто 46.125 тонн сланца, в 1922 г. — 130.932 тонн, в 1925 г.— 239.710 тонн.

Здесь — так же как и в Латвии — об общем прогрессировании страны свидетельствует неизменное из года в год увеличение экспорта. Динамика экспорта характеризируется следующими цифрами (в милл. эст. м.):

годы	экспорт
1922	4812
1923	5712
1924	7866
1925	9665
1926	9647
1927 I полуг.	4302

Бюджет Эстонии, до 1928/29 г. включительно, был балансирован без дефицита.

*) Общий отплыв из Латвии русского населения превысил 600 тыс. чел., в 1919 г. только население Риги, благодаря этому отплыву, уменьшилось более чем на 50%.

*) Один лат = 1 зол. швейц. фр. = 37½ коп. золотом.

*) 180 эст. м. = 1 руб. золотом

Литва и Финляндия так же не отстали в хозяйственном возрождении от своих соседок. Вот как, например, увеличивалась посевная площадь в Литве: в 1913 г. вся посевная площадь равнялась 1·37 милл. гектаров, в 1924 — 1·44 милл. гектаров и в 1925 г. — 1·46 милл. гектаров. Еще более показательны цифры, иллюстрирующие развитие скотоводства: в 1913 г. в Литве насчитывалось 918 тыс. коров, в 1926 — 1396 тыс. коров, овец — 1152 тыс. в 1913 г. и 1537 тыс. в 1926 г., и т. д.*). Экспорт Литвы дает следующие показатели (в милл. лит**):

1923	1924	1925	1926	1927 (в 1 полуг.)
146·8	266·5	242·7	253·3	120·0

Бюджет бездефицитен, при чем военные расходы составляют в нем менее 20% (при русском владычестве — более 30%). Литва является типичной аграрной страной и промышленность в ее хозяйстве занимала и занимает ничтожное место.

В отличие от Литвы, с ее ярко выраженным сельско-хозяйственным характером, экономика Финляндии носит аграрно-промышленный характер. Общее развитие финской промышленности показывает нижеследующая таблица:

годы	число предпр.	число рабочих	валов. продукция (в милл. фин. мар.)***
1913	4709	109238	7716·8
1920	2920	93765	2809·0
1923	3293	143311	9156·3
1924	3212	139429	9345·1
1925	3317	141005	10126·2
1926	(данн. не распол.)	(данн. не распол.)	11000·0

Как видим, отрыв от „Hinterland'а" финляндской промышленности послужил лишь на пользу.

Тоже самое мы можем сказать и о сельском хозяйстве, в котором особый успех достигло животноводство. Об этом успехе говорят сравнительные цифры экспорта животноводческих продуктов. Так например, в 1913 г. из Финляндии было экспортировано 12·6 тыс. тонн масла, в 1926 г. — 13·2 тыс. тонн, а в 1927 г., только в первом полугодии, уже — 9·7 тыс. тонн. Еще более увеличился экспорт мяса (с 1·2 тыс. тонн в 1913 г. до 3·4 тыс. тонн в 1926 г.) и сыра (с 1·2 тыс. тонн в 1913 г. до 2·9 тыс. тонн в 1926 г.). Но наиболее характерными являются цифры, иллюстрирующие общий экспорт Финляндии. В сравнении с 1913 г. экспорт Финляндии показывает следующее развитие (в милл. фин. мар.):

Годы	Экспорт
1913 . . .	404·4
1922 . . .	4467·6
1923 . . .	4392·5
1924 . . .	4970·6
1926 . . .	5573·5
1926 . . .	5633·3
1927 (янв.-сент.) . .	4710·2

Успех, воистину, импонирующий, свидетельствующий о том, что нормальные условия независимого бытия и трудолюбие населения способны творить чудеса.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что бюджет Финляндии так-же бездефицитен и военные расходы не превышают в нем 15% всех расходов.

В заключении считаем необходимым отметить современную роль России в экономике Балтийских государств. Так например, в торговом обороте Латвии в 1927 г. Россия занимала 4-ое место (6% всего оборота), в том же году участие России в импорте Эстонии равнялось 9·8%, а в экспорте — 9·2%, в импорте Литвы — 2·98% и в экспорте — 0·64%, наконец, в импорте Финляндии — 3·8% и экспорте — 8%. Цифры с предыдущих лет еще более ниские, чем приводимые.

Таким образом, весь фактический материал, продемонстрированный нами и являющийся наиболее показательным для экономического состояния каждой из описываемых стран, свидетельствует о ничтожном влиянии России на экономику этих стран и опровергает утверждения Станкевича и прочих адептов „единой-неделимой", которые пугают нас „гибельными последствиями" отрыва от России.

Отрыв от России не только даст нам возможность нормального культурного развития, предохранит нас от моральной и физической ассимиляции, но и станет основой нашего материального благополучия. Не надо забывать, что Кавказ является в большей степени колонией, чем были колониями в свое время Балтийские государства. Затем, и природные богатства Кавказа более многочисленны и разнообразны. Поэтому и результаты освобождения у нас будут еще более рельефными, еще более благотворными.

Тавриз, декабрь 1933.

---

*) На Северном Кавказе количество скота в настоящий момент едва-ли достигает 20% довоенного количества.

**) 1 лит = 1/10 долл. золотом.

***) 1 фин. марка = 5 коп. золотом.

Мурза - Бек

Тактика журнала „Вольное Казачество"

В качестве вступительных слов мы вводим несколько оговорок принципиального характера, чем поставленная довольно широко тема с'узится в сторону моментов, непосредственно касающихся горцев.

„В. К.", как известно, стремится к созданию государства, соседящего с нами на севере. При конкретизации им общих территориальных отношений был вскрыт т. н. „казаче-горский" вопрос, чрезвычайно сложный по своему фактическому существу и психологическим предпосылкам, кладущим большие препятствия к правильному его решению.

Принимая это обстоятельство во внимание, мы в свое время посвятили упомянутому вопросу некоторые исторические и статистические исследования в статье: „К вопросу о северной границе Р. Г. К." („Г. К. „№№ 14—20 за 1930 г.) с целью сразу поставить означенную проблему в плоскость об'ективных условий, которых здесь подробно касаться не будем. Тем не менее, в своих утверждениях по существу предложенной темы, мы базируемся, главным образом, на вышеприведенной статье, которая, являясь до известной степени ответом на ст. „Казачьи земли" г. Билого, редактора ж. „Вольное Казачество",*) должна была послужить основным мотивом для преодоления наших разногласий. Отвечая на гипотетические цифровые расчеты г. Билого нашими данными, стараясь наиболее ясно показать ошибочность некоторых его важнейших положений и приводя факты истории, мы ожидали соответствующие возражения. Однако, ж. „В. К." принял совершенно отличную от нас тактику, усвоив часто чисто демагогические приемы и избегая касаться конкретных фактов. А так как суб'ективная позиция г. Билого, так или иначе, отождествляет вольно-казачье движение, группирующееся вокруг журнала „В. К.", то этой тактике в казаче-горском вопросе и будет посвящена настоящая статья.

В своем изложении мы будем в большой мере пользоваться цитатами из ж. „В. К.", которые при соответствующем сопоставлении ярко освещают предмет статьи, не требуя часто особых комментарий.

О статье „К вопросу о северной границе „Р. Г. К." г. Билый в № 59 „В. К." (в июле 1930 г.) поместил следующую заметку:**)

„С большим трудом нам удалось достать тройной номер (13 — 14 — 15, февраль—март—апрель 1930 г.) „Горцев Кавказа", в котором полемике с „В. К." посвящены целых две статьи.

Одна из них, озаглавленная „К вопросу о северных границах Республики Горцев Кавказа" и подписанная г. Мурза-Беком, не закончена (в конце статьи стоит: „продолжение следует", хотя в последующем, 16 номере, мы его не нашли). Касается она вопроса казаче-горского размежевания территориального (гравицы!) и решения весьма острого вопроса терско-горского,—вопросов, затронутых в „В К." статьями Т. Игнатовича и И. Билого.

Не будем входить сейчас в оценку статьи г. Мурзы-Бека по существу, *подождем ее окончания, когда и дадим надлежащий ответ.* (Курсив наш—М. Б.). Сейчас же пока только отметим, что наши оппоненты из „Г. К." весьма часто и охотно недостаток фактического материала (в их пользу) или слабость аргументации очень „сильных" притязаний заменяют слишком „крепкими" словами. Мы на этот путь не станем и наши чувства не помешают нам оперировать с действительностью таковой, какова она есть. Фантазия—вещь хорошая, но для установления казаче-горских взаимоотношений не годится... Это не значит, что мы уходим от полемики с горцами.

Казаче-горский вопрос, особенно на Тереке, одинаково „болит" и той и другой стороне и говорить мы по существу его будем, — все равно, отвечая ли на статьи горцев или беря постановку вопросов на себя. Но препираться ради препирательства не намерены".

Прошло 3 года, а „надлежащего ответа" нет. Не будем вдаваться в то—почему ответ не последовал, хотя не допускаем, чтобы редакция „В. К." не смогла достать №№ „Г К.", где интересующая ее статья была окончена. Кроме этого, констатируем, что это упорное молчание находится в резком противоречии с приведенной выдержкой. Что расчеты г. Билого казачьего населения „Казакии", именно, и есть та „фантазия, которая не годится для установления казаче-горских взаимоотношений", нами установлено рядом неопровержимых доказательств, как увидим ниже. Вкратце приводим наш метод суммарного учета процента казачьего населения, — выгодный своей наглядностью („Г. К." №№ 19—20 стр. 52):

год 1897	всего нас. 9111200 чел.	казаков 2489427	или 27.3% (с калм. 29.3%)
„ 1913	„ „ 13061800 чел.	казаков 3625000	или 27.7% (с калм. 29.9%)
„ 1920	„ „ 10098000 чел.	казак. 3041000*)	или 30.1% (с. калм. 31.2%)
„ 1926	„ „ 11705900 чел.	казак. 3337400*)	или 28.4% (с калм. 29.2%)

Общее число казаков в 1920 и в 1926 г.г. вы-

*) См. „В. К." №№ 16 - 23, 1928.

**) В обзоре печати под заглавием „Горцы Кавказа".

*) Данные высчитаны нами.

считано нами, как видно, весьма точно с некоторым плюсом. Увеличение процента казаков об'ясняется уменьшением территории „Казакии" в пользу соседних административных единиц.

Партикулярный способ учета каз. населения—по приросту, дает у нас те же результаты (см. „Г. К. №№ 14—20). Этот второй прием применил г. Билый с той ошибкой, что брал с 1912—1927 г.г. позитивный стационарный прирост только казачьего населения, равняющийся среднему годовому приросту за десятилетие с 1902—1912 г.г.*), что дало с 1912 г. по 1927 г. + 43% приросту, хотя там-же г. Билый говорит, что—„Второй период—с 1913 г. по 1920 год.—... Общее количество населения за этот период... уменьшилось на 2953·5 тыс. душ, т. е. на минус 22·4%" и, наконец, за „Третий период—семилетие—с 1920 по конец 1926 года"—весьма медленный прирост на 1485000 душ, т. е. на + 14·5%, вследствии присоединения от Украины частей Таганрогского и Донецкого округов, натурального прироста и иммиграции — т. е. ничтожный абсолютный прирост коренного населения.

Несмотря на эти очевидные данные, г. Билый вывел процент казаков и калмыков**) равный 52·6%, что дает всего 4990 тыс. душ или ошибка равна 1·5 милл. душ, с которой, уже по выходе нашей статьи, напечатаны „Казачьи земли" в „Календаре в. к." на год 1930 и сделано много других выступлений.

Таким образом, можно констатировать факт, что всех казаков в 6 европ. каз. в. с калмыками меньше 3·5 милл. Однако, принимая во внимание колоссальные потери казачества за период с 1913 по 1926 год, нужно и наши данные считать преувеличенными***), а отсюда и утверждение г.г. Богаевского и Мельникова (компетенция коих в этом вопросе—вне сомнений) о том, что казаков в „Казакии" не больше 25% („В. К." № 86-87 стр. 15)—т. е. меньше 3 милл., весьма блиски к истине.

Уделяем мы такое внимание проценту казаков в „Казакии" с целью показать, как фантастичны территориальные претензии „В. К.", — не имеющего даже относительного большинства (русских — 35%) — вносящие вредное начало в разрешение нац. вопроса в Черн.-Касп. бассейне. С другой стороны, мы хотим отметить, что расчет г. Билого на „оказачивание" коренного крестьянского населения и присоединение его, для получения казачьего ядра, к 25—30%% казаков (не к 42·6%)—чистая утопия, так как „оказачить" пришлось бы 3·5 милл. человек.

Аппелируя, таким образом, к праву большинства и опуская моменты исторических прав, г. Билый претензии в-казачества на сев. районы Республики Северного Кавказа строит на гипотетичном условии солидарной с казаками воли „иногороднего" населения, почему и подчеркивает: „русские и украинцы вместе взятые составляют на казачьих землях подавляющее большинство населения: в 1897 - 79·6%, в 1926—86·3%"... Что казаки выиграют от постановки вольно-казачьего вопроса в эту плоскость, и насколько они могут расчитывать на „иногородних"—нам впоследствии скажет сам редактор „В. К.".

Оставив пока весьма сложный и острый „иногородний вопрос" в каз. областях, коснемся ближе территориальной программы вольных казаков,

Напрасны были бы наши усилия найдти ясную и определенную линию, как в конкретных формах, так и в аргументации этой программы определяющей те или иные отношения с соседями.

Здесь, даже при самом беглом просмотре ж. „В.К.", легко убедиться в наличии пресловутой тактики, которая заставила редактора увеличить количество казаков в „Казакии" до 42·6%. Как увидим ниже, эту „ошибку" нельзя об'яснить отсутствием у редактора известного навыка в статистической работе — она есть результат заведомой тенденции, которую мы имеем в виду продемонстрировать.

Так, в передовой № 1-го „В.К." от 10 дек. 1927 г. читаем:

„Нашей конечной целью должно быть благо своего народа, своей земли прежде всего, а как средство для достижения этой цели — восстановление своих государств — республик: Донской и Кубанской. Поэтому первым пунктом нашей программы должно быть: освобождение Дона и Кубани из под власти РСФСР и СССР и созыв: на Кубани — Кубанской Рады, на Дону—

---

*) всего казаков в 1902	прирост с 1902—1912	за 1 год	за 15 лет 1912—1927	казаков в 1927
2743407	791169	79116	79116×16 =1186753	4721329 (без калмыков и горцев)

Если допустить такой-же прирост и у остального населения, то всего в „Казакии" в 1926 г. должно было бы быть 18·5 мил. чел. (вместо 11.7 мил.).

**) Здесь в „казаки" зачислены и куб. черкесы.

***) 1—„Один Дон потерял выбывшими из строя около 50% своего казачьего населения". Мельников, „Вестник Казачьего союза. № 11, стр. 18-

2— „И теперь уральцев нужно считать м. б. тысячами, но никак даже не десятками тысяч. Сбылось старинное казачье предсказание: „Уральское войско на крови зародилось — на крови и кончится". Письмо в ред. „В. К." уральца Масянова. „В. К". № 115, стр. 24.

Донского Круга, как суверенных Учредительных собраний, над волей которых нет никакой иной высшей власти"...

т.е. в основу движения — очевидно, базирующегося на историческом праве, — кладется в о с с т а н о в л е н и е республик Донской и Кубанской.

Это право казаков располагать судьбой Дона и Кубани (под „Кубанью" мы разумеем правобережную часть б. Куб. обл. — т.е. без т.н. „Закубанья") не только нами всегда уважалось, но, более того, мы считаем каждое отступление казаков от этой их исторически - правовой базы вредным, вообще, всем сепаратистам СССР — не только самим казакам. Если бы „В.К." осталось и впредь на этой ясной платформе, то казаче-горские отношения давно были бы урегулированы.

Однако, по неизвестным причинам, „В.К." решило расширить свою территориальную программу за счет Идел-Урала, Туркестана и Северного Кавказа. С этого момента, естественно, наступило обострение этих отношений, которые г-н Билый, уже в № 122 „В.К." стр. 18, характеризует так: „Ни для кого ведь не секрет, что „шероховатости" современных горско-казачьих отношений имеют своим источником не казачьи претензии на Кавказ и Гуниб, а претензии горцев на территорию всего Терского войска и половину, если не больше, Кубанского".

Оставляя при себе свое мнение о такого рода приемах, мы определим здесь лишь заключительный этап этого начинания. Вот, например, что мы читаем в № 10 „В.К." на стр. 9: „Еще в первом номере „В.К." мы первым пунктом своей общей программы поставили освобождение Дона, Кубани, Терека... из под власти РСФСР и СССР". Здесь, как видим, самая неделикатная неправда с „Тереком"... — в первом номере его не было. „Терек" и три точки предназначены для остальных казачьих войск и „степных народов", что видно из № 13 „В.К. стр. 6, где читаем:

„Не хотим сами господствовать над другими, но не допустим и чужого господства над собой. Что же и кто стоит на пути нашем?

Прежде всего большевицко-коммунистическая власть Москвы над нашими землями. А потому первая наша общая задача — освобождение из под власти РСФСР и СССР всех казачьих земель от Дона до Яика и Оренбурга, как и земель тех степных народов, что живут между ними".

Вот, как „исподтишка" была развернута великодержавная вольно-казачья программа, из-за которой сыр-бор загорелся. В этом разворачивании существует, хотя и наивный и не совсем красивый, но обдуманный план, занявший на свое проведение целые полгода. Очевидно, так автор плана разумеет „дипломатические" приемы на широком поле прессы.

Что г. Билый относительно собственной „дипломатии" находится в приятном заблуждении — особенно ясно видно из его нравоучения нам горцам в № 51—52 „В.К." стр. 11. Вот что он пишет:

„В заключение — несколько слов принципиального характера. Современное человечество изжило уже старое иезуитское правило, что цель оправдывает средства Если высока цель, то современная мораль требует и высоких, чистых путей к ее достижению. Современное п р а в о с о з н а н и е совершенно не считается с силой, как правом, и предпочитает логически-разумные основания перед основаниями чувств и желаний. Состояние науки истории, географии и вообще народоведения в широком смысле этого слова ныне таково, что, для привлечения их к вопросам политическим, необходимо весьма хорошее знакомство с ними. Разрешения спорных международных вопросов современное человечество все чаще и чаще ищет не через односторонние акты, создаваемые силою оружия, а через обостороннее мирное взвешивание аргументов з а и п р о т и в. Наиболее веским аргументом считается ныне принцип непринужденной воли большинства населения. Способы, стоящие в противоречии с морально-правовым самосознанием современного цивилизованного человечества, не только не способствуют достижению поставленных целей, но, наоборот, часто от них удаляют. — В деле достижения высокой цели национального самоопределения, горцы Кавказа — надеемся — наши друзья, — все это также должны хорошо помнить".

К этим высоко нравственным словам мы ничего прибавить не можем, кроме того, что, уважая при известных условиях права большинства, мы не придаем ему такого генерального значения. Впрочем, это впоследствии признает и сам г. Билый.

Таким образом, мы пока констатируем, что сам способ развертывания вольно-казачьей территориальной программы вызывает сомнения в обоснованности ее притязаний.

В дальнейшем разберем с точки зрения международно-правовой эти вольно-казачьи притязания, под которые г. Билый стремится подвести главным доводом волю большинства населения. Так как казаки проэктируемой Казакии имеют всего лишь 30% „большинства" (в наиболее благоприятном случае), то наличие у „иногороднего" населения солидарной с казаками воли является первым условием „этого наиболее веского аргумента". Исходя из „твердого убеждения" в существовании у иногородних крестьян бывших каз. областей идентичных с казаками политических устремлений, редактор „В.К." в защиту своего проэкта говорит:

„Если кто либо из горцев думал бы осуществить подобные притязания на эти территории силою оружия или в надежде на внутренние разногласия среди населения казачьих земель, то ему пришлось бы горько разочароваться. Инороднее крестьянское население казачьих земель в подавляющем большинстве — украинцы, часто такие же потомки казаков-запорожцев, как и большинство казачества кубанского, и при угрозе инкорпорации в состав какого либо чужеродного государства, наверное найдется общий язык для

сговора всего населения Казакии. Ставка г. Р. Горца на рознь в казачьих землях в этом территориальном вопросе наверняка будет бита. Равным образом неудачей кончилась бы и попытка проглотить терских казаков, — слишком большой кусок представляет из себя староказачий Терек и слишком острые концы имеет он на своем гербовом копье"... („В.К." № 51—52, стр. 11).

Здесь речь идет о „Закубанье", Ставрополье и Тереке, которые в силу исторического права принадлежат горцам, а посему будут не завоевываться, а защищаться против каждого поползновения извне.

Всем, однако, хорошо известно, что такого единства между казаками и иногородними не будет в силу самой природы вещей. Или будут казаки в „Казакии", где остальное население должно будет признать их доминирующую роль, или „Казакия" будет инкорпорирована в состав какого-либо „чужеродного" государства: России или Украины, где казаков нивелируют на уровень обыкновенных крестьян.

Как мы вскоре убедимся, категорические выражения и воинственная поза г. Билого в предыдущей цитате есть, по всем данным, все та же неудачная тактика по отношению к нам. Так, в № 116—117 „В.К." в статье „Казачьи права и привеллегии" помещен анализ двух подходов к казачьему вопросу: русского, представляемого ген. Деникиным, и украинского, представляемого г. Сулятицким*), иногородним б. Кубанской обл., автором книги „Нарис з історії революції на Кубані", о котором там-же (в № 116 „В.К.") читаем, что „его ненависть к которым (к правам и привилегиям казаков — М. Б.) чувствуется огненно-дышащей из всех его литературных о казаках трудов".

По мысли г. Сулятицкого — пишет редакция „В.К." — казачье движение на Кубани выходило бы из рамок уско сословных стремлений и превращалось бы в широкое национальное движение только тогда, когда бы кубанские казаки (имеются в виду только черноморцы) солидаризировались бы и соединились с иногородним украинским населением Кубани (об иногородних русских вопрос остается открытым). Такое казачье движение было бы для г. Сулятицкого желательным как украинское национальное движение на Кубани. По мнению ген. Деникина, наоборот, чисто казачье движение перестало бы быть сословным и превратилось бы в широкое русское национальное движение тогда, когда бы кубанские казаки (одинаково — черноморцы и линейцы) соединились бы с русскими людьми, с русским крестьянским и вообще иногородним населением (иногородние украинцы включаются в состав русских)".

Эти две тенденции вовлечь казаков в орбиту своих государственных путей будут по всей вероятности в будущем иметь большое влияние на решение казаче-иногороднего вопроса. Итак, политический идеал неказачьего населения „Казакии", имеющий для последней негативное содержание, не дает основания вольным казакам оперировать при своих земельных притязаниях правом большинства, в частности, во вред Республики Северного Кавказа.

Это фактическое положение вещей принудило р-цию „В.К." выставить историческое право в качестве главного аргумента своих политических стремлений, так как признание иных принципов в этом вопросе — равносильно капитуляции вольно-казачьего движения в целом. Защите, именно, этого права посвящена известная уже нам статья „Казачьи права и привилегии" в № 116—117 „В.К."

Эволюция в этом кардинальном вопросе привела конкретные политические пожелания вольных казаков к одинаковому с нашими отправному положению, определяющему общий критериум для анализа возникших территориальных коллизий.

О том, какую роль в международной жизни играет историческое право и каковы о нем наши представления, мы в свое время уже говорили. Теперь ознакомимся со взглядами на этот счет „В.К.", последовательно замалчивающего наши права. Вот, что оно говорит („В.К." № 117, стр. 4, „Каз. права и привилегии"):

Почему именно так важно для нас в данном случае определение и доказательство всех этих прав, как прав исторических?—Важно это для нас и необходимо потому, что такие исторические права имеют под собой и великие моральные основания. И до сих пор (так, очевидно, будет и всегда) в международных политических спорах и иных отношениях многие исторические права народов, главное же — право народа на свою свободу на своей земле, — и при моральной оценке сил этих прав, моменты исторического возникновения, формирования, укрепления и завершения права сохраняют всю свою доминирующую роль. Не надо забывать, что под сугестивным моральным влиянием таких прав провозглашен был после Мировой войны и благородный принцип самоопределения народов. Не надо забывать, что все современные новообразованные государства, возникшие под Вильсоновским лозунгом самоопределения, в большей части фактически оперли свои государственные границы на историческое право и обосновали им свою самостоятельность".

Как видим, когда дело касалось казаче-горского вопроса, то „наиболее веским аргументом" считался принцип „непринужденной воли большинства населения", когда же затрагивается казаче-иногородний вопрос, то историческое право „сохраняет в с ю свою доминирующую силу". Так как такая двойственная тактика вредит исключительно „В.К.", мы ее больше касаться не будем. В дальнейшем мы остановимся на несостоятельности и исторического аргумента в.-казачьих притязаний на северные части Республики Северного Кавказа.

*) Павел Сулятицкий, ныне покойный, был членом Кубанского войскового пр-ва, возглавляемого г. Иванисом, т. что подход его является скорее казачьим, чем украинским — ред-ция.

В той-же статье (№ 117 „В. К.") при помощи своеобразных исторических толкований, отличающихся наивной тенденциозностью, выводится право казаков на Дон, донские „колонии" и, наконец, на „земли войска Кубанского", излагаемое в 4 пунктах. Коснемся их ближе.

„Итак, — пишет „В.К." — рассмотрев, хотя бы кратко, историческую принадлежность территориальных владений того или иного казачьего войска, в заключении можем сказать, что все казачьи земли всему казачеству принадлежат:

1 — по праву автохтонного владения (первоначального обывания), как то было на Дону"...

Т. е. — „историческое право", всегда нами выдвигаемое при аргументации наших прав на собственные земли и прав донцов на Дон.

Далее „В.К." пишет:

...„2 — по праву первого заселения и культурного под'ема края путей мирной колонизации, как то было в донской колонизации Яика, Волги, Терека и в заселении черноморцами Кубани"...

Т.е. — „право первого заселения" свободных, никому не принадлежащих земель. Этот факт, сам по себе, завершает юридический прецендент для возникновения „права", без каких бы то ни было ограничений. Условие „и культурного под'ема" поэтому — совершенно неуместно; им, обыкновенно, как понятием весьма растяжимым, прикрываются империалистические акты при отсутствии иных доводов.

Что же касается заселения Терека, то достоверно известно, что первые казаки-колонисты осели на горской земле с разрешения кабардинских владетельных князей. Дальнейшая колонизация была исключительно военной, посему притязания казаков на Терек сим 2-м пунктом об'яснены быть не могут.

На обладание на Кубани „заветными землями" (интересно — почему именно „заветными") сам редактор „В.К." подводит следующие правовые основы (там-же, стр. 7):

...„И опять много трудов, средств и хитрости (!) употребили черноморцы пока, наконец, эти кубанские заветные (!) земли д о б ы л и (курсив М. Б.). Нужно только еще раз подчеркнуть, что черноморцы на Кубани „получили" далеко меньше того, что у них взяли на Днепре"...

Об'яснение весьма характерное для психологии „В.К.": с одной стороны „заветные" земли д о б ы л и, с другой — получили Немного ниже читаем о том, как это произошло:

...„Со времени же завоевания Россией Крыма Суворов в 1784 г. переселил ногайцев в Таврический край и, таким образом, правобережная Кубань, занятая черноморцами стала принадлежать им по праву первого заселения"...

Последнее положение можно применить к черноморцам лишь потому, что ногайцы фактически не могут осуществить своего права, так как они были почти поголовно уничтожены Суворовым и только небольшая часть их была выселена. Таким образом, и правый берег Кубани может быть признан казачьим по „праву":

...„3 — по праву завоевания края, как то имело место за Тереком, в Оренбургских степях, у линейцев в Предкавказьи и на Кубани"...

А нас в № 51—52 г. Билый поучает:

„Современное правосознание совершенно не считается с силой, как правом, и предпочитает логически-разумные основания перед основанием чувств и желаний".

Так как в п. 3 сила признается за источник права и отрицается право, покоющееся на моральных устоях, то тем самым аннулируются первый и второй пункты.

Нам безразлично, что именно—своеобразный ли суб'ективизм или мрачная житейская практика — привели автора к представлеииям о праве, отвечающим каменному веку. Укажем лишь на то обстоятельство, что, согласно п. 3, все казачьи земли принадлежат большевикам „по праву завоевания края", которое было проведено по всем правилам упомянутого века.

Но если бы, в конце концов, завоевание давало право на земли, то тогда о принадлежности „Предкавказья" меньше всего пришлось бы беспокоиться казакам. Северный Кавказ был завоеван огромной Российской империей после тягчайщей, почти столетней войны, при чем роль казаков, как следует из количественной пропорции русских регуллярных и казачьих войск, а так-же из характера службы последних, была чисто вспомогательной. На эту тему более подробно говорит г. Абу-Бекир Хаджи в статье „О вольных казаках" („Г. К." № 34). Мы здесь, кстати, коснемся формы, в коей „В. К." полемизирует с нами. В № 122 „В. К.", в отделе „Печать о „В. К.", дается ответ г. Абу Бекиру Хаджи в нижеследующем виде:

„Выдвигается целый ряд домогательств политического характера (ай — ай — ай)*) и, хотя, как мы (т. е. они) отметили, кристаллизация вольноказачьей идеологии не вполне закончена(!), можно, все же, сказать, что вольные казаки стремятся к созданию собственного государства — Казакии"...

...В органе их помещаются статьи, написанные по-францусски, английски и почти на всех славянских языках (в о т о з о р н и к и!). Они пытаются внушить свою идеологию общественному мнению различных стран, ища гам сочувствия и поддержки для своей концепции Казакии (п р о с т о н а х а л ы!). При этом они применяют (страшно сказать!) свою собственную интерпретацию как фактов и факторов настоящего момента, так и событий, имевших место в недавнем или же в отдаленном прошлом".

Или выдержки в таком виде „замечательная (т. е. с о в с е м н е з а м е ч а т е л ь н а я) логика и не менее оригинальное (т. е. с о в с е м н е о р и г и н а л ь н о е) толкование исторических фактов". . И наконец:

*) Замечания в скобках здесь и далее принадлежат „В.К."

„Все это (т. е. наши казачьи утверждения) с честью может занять место в идеологическом арсенале не только сегодняшнего „либерального" „Возрождения", но и блаженной памяти петербургского „Нового Времени" и ему подобных выразителей русского зоологического империализма"... (Хватил!)"

Не касаясь фактов истории, ни других конкретных данных приведенных А. Б. Х., редакция „В. К." ограничивается своей обычной демагогией.

Наконец, в последнем пункте читаем:

...„4— по праву вековой, упорной и многожертвенной защиты своего края, как то постоянно имело место у всего казачества вообще на протяжении всей его исторической жизни".

До сих пор защита своего края считалась священным долгом населеиия, не могущим дать больших, чем первоначально приобретенных прав, по которым край стал „свой". Кроме этого принципиального противоречия, не менее замечательна стимуляция п. 4, отличающаяся большой поэтичностью и малой точностью приводимых понятий. Интересно знать: кто должен решить — „упорная" или не упорная и достаточно ли „многожертвенная" была защита своего края, чтобы означенное действие приобрело юридическую силу?

Итак, ни пункт 3-ий, ни 4-ый, как не отвечающие современному правовому мировозрению, не могут создать прецендента для возникновения права на известную территорию, а посему попытка г. Билого обосновать по этим пунктам притязания казаков на Терек, Кубанскую Адыгею и т. д. не могла а priori достичь цели.

Пункты 3-ий и 4-ый сразу же представляются в ином свете и принимают определенный смысл, если их рассматривать с точки зрения внутренне-государственной. Тогда по отношению к „иногородним", действительно, „завоевание края" по п. 3-ему и его „вековая, упорная и многожертвенная защита" по п. 4-ому дают известные правовые выгоды в пользу казаков, что оформлено было русскими царями в виде привиллегий. Таким образом, р-ция „В. К." доказала то, отчего так открещивалась в ст. „Казачьи права и привиллегии",— т. е. то, что казаки на „Тереке, Кубани, Оренбургских степях", как раз, имели не права, а привиллегии.

И вот, несмотря на обилие случаев, когда, по мнению „В. К.", казаки — конечно, только казаки — могут получить право на обладание их землями, забыт один случай, признаваемый практикой международных отношений, о котором г. ред-ор „В. К." поветствовал перед этим, в № 51 — 52, даже с нравственно-назидательным вступлением нам горцам. Речь тогда шла о праве большинства населения располагать территорией им занимаемой. Тогда этот принцип применялся против наших исторических прав, почему преподносился в супердемократической форме — без всяких ограничеиий, как наиболее веский аргумент. Теперь же, как мы видим выше, по отношению к иногородним этот принцип не применяется, т. к. поставил бы вольно-казачью программу в крайне невыгодное положение.

При аргументации своих прав, мы приводили всегда и этот принцип в соответствующей связи с историческим правом, обеспечивающим нашему народу геополитическую целость его территорий.

Итак, как видим, „В. К." не удалось представить сколь-нибудь убедительный образ обоснованности его притязаний на наши земли, к которым нельзя апликовать ни „право большинства", как не отвечающее фактическим условиям на местах, ни исторического права, у казаков в данном случае не существующего. Попытка в. к. в этом направлении достигла, как раз, обратных результатов: она показала полную несостоятельность их принципиальной позиции и абсолютную невозможность ее защиты даже относительно солидными приемами.

Таким образом, в результате анализа вольноказачьей национальной программы, необходимо констатировать, что последняя пока не представляет ясную и определенную систему. Конкретизация идеи независимого казачьего государства в настоящих ее попытках выливается в формы, отвечающие не столько новым международным и правовым отношениям на Востоке Европы, сколько менталитету казачьего реакционного консерватизма, в силу которого наиболее слабым местом программы „Казакии" является ее моральная аргументация. В этом отношении проэкт „Казакии" г. Билого, соответствующий этому психологическому моменту казачьих устремлений вообще, не может быть признан продуктом его оригинального творчества. Он представляет типичную картину политического мировозрения широких масс казаков, характерной подробностью которого есть примитивное, в сущности, представление международного права. Отсюда вытекает часто искренее заблуждение казаков относительно их действительных прав, в результате которого они считают „казачьими" землями те, которые при старом режиме только по названию были „казачьими". Популярность таких взглядов среди казаков и есть главная причина — почему нами так подробно была разобрана проблема правового обоснования „Казакии", приведшая „В. К." к столь безрезультатной тактике. Каждая иная попытка в этом смысле потерпит в силу существующих реальных условий подобный неуспех. Поэтому несостоятельность аргументов „В. К.", в смысле логическом, юридическом и, наконец, формальном, имеет универсальное для казаков значение.

Следовательно, вольным казакам остается —

или, средуцировавши „Казакию", перейти к правовой базе национальной государственности, или же готовиться к реализации „Казакии" (из 6-ти европ. войск) войной на несколько фронтов. Во втором случае пришлось бы расчитывать только на себя. Некоторым казакам, правда, и до сих пор снятся счастливые времена, когда за их спиной стояла русская армия. Теперь же Россия, переживающая период территориальной депрессии, не имеет надобности в военных колонизаторах и, тем более, не может оставить обособленную группу населения в таком важном стратегическом и экономическом узле, каким является территория казачьего расселения. Исторические аналогии ясно указывают, куда направят казаков их „особенности" при самоутверждении и развитии последних. России на юге, как нигде более, нужно создать однородную, надежную массу, чтобы обеспечить подступы к Черному и Каспийскому морям и к Кавказу, а так же, тем самым, разделить единый фронт окраинных народов.

Посему, если казаки поверят в утверждения русской демократии о федерации (где казакам, нигде не имеющим большинстве, едва-ли „даруют" штат), за которую так распинается казачий Дон-Кихот из числа старых общественных деятелей, или в спасительность „Союзной империи" всяких императоров, то казачество будет „околпачено" *) в последний раз.

В силу сказанного, мы утверждаем, что русская государственность и казачья национальная идея имеют прямо противоположное содержание, тогда как течение национальных устремлений „инородцев" идет с последним в параллельном направлении. Позиция казаков в приближающемся окончательном решении национального вопроса в пределах России, естественно, не может быть решающим фактором, но те или иные отношения народов, стремящихся освободиться из под русского владычества, в значительной степени предопределяют успех вольно-казачьей борьбы. Казачья политическая мысль должна с этим обстоятельством считаться.

Характерен в этом отношении журнал донских сепаратистов „Дон", вышедший весной 1933 г., который уже прямо намечает практические шаги для реализации единого фронта всех борющихся с Россией народов, проэктируя Черноморскую Антанту, куда войдут равноправными членами Дон и Кубанский Край.

Предлагая такой проэкт решения казачьего вопроса, „Дон" выявил вместе с тем свое крайне отрицательное отношение к „Казакии" „В. К-ва".

„Мы считаем—пишет „Дон"—фантастический проэкт создания Казакии не только фантастическим, но и вредным для нашего освобождения. Цель, которую ставят себе казаки из „В.К.", является недостижимой и жертвовать жизнью и имуществом Дона для осуществления неосуществимых целей мы не можем и не смеем". Не менее знаменательно и следующее: „Мы думаем, что во всем шуме о „Казакии" или кроется какой-то обман, т. е. сознательное желание обвести кого-то вокруг пальца, или же все разговоры о сказочном „государстве" являются следствием самообмана или чрезмерно развитого воображения".

Проэкт „Дона" представляет собой, по сравнению с романтической „Казакией", известный прогресс в двух отношениях: во-первых, он ставит казакам более реальные политические задачи, а во-вторых, сразу же переключает казачью проблемму на общий освободительный путь угнетаемых Россией народов.

С удовлетворением отмечаем подтверждение нашего мнения, что внутренние трудности заставят казаков установить добрососедские отношения с их соседями, возможные лишь на почве взаимного уважения прав, в частности территориальных.

Мы предлагали практическое осуществление казачьего государства в составе Дона, Кубани и Калмыкии, дабы устранить возможность конфликта казаков с Идел-Уралом, Туркестаном и Северным Кавказом. „Дон" идет еще далее: прежде всего, рекомендует Черноморскую Антанту, куда отдельными членами войдут Дон и Кубанский Край. Таким образом, донские сепаратисты не только не собираются „жертвовать жизнью и имуществом Дона" для осуществления „фантастической Казакии", но уже вперед стараются гарантировать себя от всяких соседских недоразумений, могущих возникнуть даже из-за Кубанского Края. Скрытый политический маневр чувствуется и в том, что вместо „Кубани" говорится „Кубанский Край", а еще более в следующих словах:

> „В последнее время некоторыми казаками-эмигрантами проповедуется теория о „единой казачьей нации" и внедряется в казачьи головы мысль о необходимости создания казачьего государства — Казакии. Мы, донцы, должны категорически заявить, что нет такой нации. Нужно не уважать читателя, нужно их считать маленькими детьми и безнадежными невеждами, чтобы уверять их в том, что казаки составляют единую казачью нацию".

Мы не будем конкретизировать эту тайную тенденцию донцов, как и не будем судить их сугубую осторожность, являющуюся следствием колоссальных потерь людьми Доном в настоящем. Тем не менее, следует подчеркнуть следующее: что журнал „Дон" отрицает существование единой национальной идеи у казаков, чем, в частно-

*) Выражение забайк. казака, характеризирующее отношение к казакам в Госуд. думе.

сти, допускает разные пути у Дона и у Кубани.

В „иногороднем" вопросе донские сепаратисты еще большие пессимисты, чем мы.

Итак, „В-К" не может расчитывать на поддержку его „Казакии" не только со стороны „иногородних", но даже и со стороны донцов.

Можно по разному квалифицировать проэкт решения казачьего вопроса, предлагаемый жур. „Дон". В частности, мы считаем более выгодной для казаков Доно-Кубанскую федерацию, которая потом может себе выбрать по вкусу любую Антанту. Однако, в одном отношении этот проэкт оказывает несомненную услугу казакам, а именно, он трезво оценивает реальные возможности казачьей национальной программы.

Рано или поздно к тому же придут все казаки-сепаратисты, не утерявшие чутье реальности, и только безнадежные мечтатели будут по-прежнему фантазировать о „Казакии из 6-ти европ. войск", с территорией равной Франции и Германии вместе взятых, в 30 раз превыщающей Бельгию и т. д., и т. д. и всего... с 25% казаков в ней.

Обзор печати

„Wschód-Orient" № 3 — 4 (11 — 12), июнь — декабрь 1933. И этот номер журнала „Wschód" („Восток"), подобно предыдущим номерам, богат и разнообразен. Разнообразен и содержателен в нем также и кавказский отдел. Во главе последнего необходимо поставить чрезвычайно обстоятельный очерк об „Истории оппозиционных тенденций в коммунистической партии Грузии", автором которого является г. З. Карвовский. Не менее обстоятельна рецензия о книге г. Мир-Якуб-бея „Le problèm du Caucase", которая, как уже сообщалось в нашем журнале, была издана недавно в Париже. Рецензия— без подписи. Автор рецензии указывает, что в книге г. Мир-Якуб-бея, процесс национального возрождения 4-х главных народов Кавказа (азербайджанцев, армян, грузин и горцев), нашел „яркое освещение" с „редко встречаемым в кавказских взаимоотношениях об'ективизмом". Затем, в номере имеется рецензия г. Жанбека Хавжоко о брошюре д-ра Л. Видершаля „The British Policy in Western Caucasus", о которой автор рецензии писал и в нашем журнале, а также рецензия о недавно выпущенном издательством Д. Хеладзе русском переводе (К. Д. Бальмонта) „Барсовой кожи" Шота Руставелли. Автор рецензии г. Е. М. пишет:

„Хорошо сделал бескорыстный издатель, сотворив эту монументальную книгу. Полезно также, что создание Руставелли появилось на языке, понятном до сегоднешнего дня на Востоке Европы. Но не особенно удачна в данном случае личность переводчика.

Владеющий многими языками, необыкновенно плодовитый и работоспособный стихотворец, согласно мнению многих — настоящий виртуоз русского стиха, — К. Бальмонт имеет один органический недостаток: с какого бы языка и какого бы автора он не переводил (а диапазон его переводов огромен — от Шели до Бодлэра и от По до Каспровича), он всегда остается... Бальмонтом...

...Лучше было бы совершить перевод в прозе с сохранением стиля и духа эпохи, а прежде всего, с сохранением индивидуального „я" великого грузинского поэта XII столетия".

К кавказскому отделу относится также заметка г. Коста Занги о кафедре осетиноведения при Берлинском университете, во главе которой стоит проф. Гаппо Баятты, старый общественный и научный работник, бывший долголетний городской голова гор. Терк-Кала. Наконец, журнал приводит польскую терминологию названий северо-кавказских племен, установленную „Комиссией кавказских названий" при Варшавском Восточном Институте.

Такова вкратце „Caucasica" в № 3 — 4 ж. „Wschód". Всем кавказцам советуем приобрести этот интересный и содержательный номер. Адрес редакции: Miodowa 7, Instytut Wschodni, Warszawa, Pologne.

Б. Б.

Yazı beyetinin cevapları

SURiYE. MiRZ. İZ-ED. Göndereceğiniz yazıları memnuniyetle dercedeceğiz. Siyasî mahiyette mes'elelerden bahsetmenizi arizu ederdik.

İZMiR K. G. BEYE. Samimî mektubunuza teşekkür ederiz. Yazılarınızı bekleriz, bilhassa Türkiyedeki kardeşlerimizin hayatını tasvir etmeniz daha münasip olurdu.

Вести с Родины — Vatan haberleri

„MUHTARiYETLi" İNGUŞ VE ÇEÇEN ViLAYETLERiNiN BiRLEŞTiRiLMESi

Milletimizin istilâ kuvvetine karşı yürütmekte olduğu sessiz mücedele nihayet bâzi semerelre vermeğe başlamıştır. Bu semerelerden birini, „muhtariyetli" İnguş ve Çeçen vilayetlerinin bir eyalet halinde birleştirilmesine dair Sovyet hükûmetinin verdiği karar teşkil eder. Sovyet hükûmetinin daha düne kadar birleşmelerine itiraz ettiği bu vilayetler şimdiye kadar ayrı ayrı idarî vahit teşkil ediyorlardı.

Bu kararın resmen tatbikî geçen yılın 6 Birinci Kânun ayında Terek-Kala'da, sureti mahsusada teşkil olunan teşkilat bürosu tarafından icra edilmiştir. Yeni eyalet „Muhtariyetli Çeçen-İnguş eyaleti" adını taşıyacaktır. Teşkilat bürosu 12 İkinci Kanûnda bu birleşmiş eyalet sovyetlerinin kongresini çağırmaya karar vermiştir.

Fakat, Çeçen ve İnguş vilayetlerinin birleşmesini, bütün Şimalî Kafkasya „muhtariyetlerinin" ve başka topraklarımızın birleşmesine bir başlangıç addetmek doğru değildir. Real hayatın, mantıkın, hatta Sovyet Rusya menfaatının bile talep ettiği bu birleşmeye sovyet imperyalizmi hiç bir zaman razi olmıyacaktır.

Bu anun esas prensipini teşkil eden „parçala ve hükmet" şinrına muğayır olurdu.

ET HAZIRLIĞI VE ONUN AÇLIĞIN ARTMASINDAKI ROLÜ

Geçen mıshamızda Vatanımızda açlıktan bansederken, sovyet hükûmetinin köylerimizin ahalisini yağma etmesine dair bir çok misallar zikretmiştik. Şimdi biz yazdığımızı başka vesaikle de tekmil etmek istiyoruz. Bu maksatla köylülerimizin yoksullaşmasına sebep olan yagmagerlikten biri olmak üzre „et hazırlığı" mes'elesinden bahsedeceğiz. „Et hazırlığı" sovyet dilinde ahalinden toplanan ve hayvanlardan ibaret olan mecburî vergiye denilir. Bu alınan hayvanlar mukabilinde köylüye para veriliyorsa da, fakat bu para sabit fiatla verildiğinden hakikî mıktarından on defalerle azdır. Meselâ serbest piyasada bir mandanın kıymeti 2500—4000 ruble iken hükûmet 150—200 ruble veriyor. Bu paraya bir cift ayak kali bile almak mümkün değildir. Çünkü serbest satışta bir cift ayak kabinin fiatı 250 rubleden 400 rubleye kadardır.

Bu suretle „sabit fiat" ahaliyi soymak ve talamak siyasetini örten bir perdedir.

Fakat bununla mes'ele bitmiyor. „Et hazırlığında" başlıca şart, bu mükellefiyetin her aul için tesbit olunmuş mıktarda ifa edilmesidir. Her aul muayen mıktar hayvan verecektir. Bir aulun „satmak" için bu kadar hayvana malik olup olmaması nazari itibara alınmaz. Şimali Kafkasya hayvan besliyen mıntakalar sırasına dahil bulunduğu için „satmağa" mecbur bulunduğu hayvan mıktarı da çok büyüktür. Meselâ: 1933 de bir tek Çeçen ölkesi 3.500.000 kilogram et vermek mecburiyetinde idi. Bütün Şimalî Kafkasyanın mükellefiyetı 40.000.000 kilogram et vermek mecburiyetinden ibaretti. Bu hesabu hayvan etlerinin her nevi dahildir, (koyun, öküz, dana v. s.), fakat biz bunu kara mal hesabına çevirecek olursak 130.000 baş hayvan yapar; (çünkü her kara mal, orta hesapla 300 kilogram ağırlığındadır.).

Bu siyaset neticesinde memlekette hayvan mıktarı günden güne azalmaktadır. Eğer hali hazırda istilâden evvelki hayvanın % 25 — % 30 nisbetinden çoğu kalmamış olduğunu iddia edersek, yanılmamış oluruz. Bu hakikat sovyet hükûmetini kat'iyen rahatsiz etmediği için bu yıl hayvan vergisini bir kat daha artırmıştır. Bundan başka yeni bir dekretle hayvan sahiplerine (kolhozlara bile) kendi hayvanlarım kesmek yasak edilmiştir. Hayvan kesmek için ayrıca müsaade alınmalıdır. Bu müsaade ise hiç bir zaman verilmiyor

Bu surette hayvan sahipleri filen çoban vazifesini yapmakta olup, yabancı bir hükûmetin istediği zaman bila bedel alıp götüreceği hayvanları korumakla meşğuldur.

Bu vaz'iyet neticesinde aullarda, demek olur, ki et kat'iyen yeyilmior. Orada et her gün yeyilir azukadan olmayıp, nadir bulunan bir şey olmuştur.

KAFKASYADA YENI HAVA HATLARI

Mecmuamızın 43 ncü nushasında, Rusyanın Kafkasyayı kendi hava kuvvetleri için bir durak haline getirmeğe çalıştığını yazmıştık. Bu yazıda biz 1933 de Kafkasyada tesis edilmiş ve praktik hiç bir lüzümü olmıyan yeni hava hatlarını zikretmiştik. Biz, Kafkasyanın mahdut sahası üzerinde tesıs olunan böyle hava hattı ağının ancak askerî bir maksat takip ettiğine ve bu da Kafkasya milletleri aleyhine olduğu kadar Kafkasyanın cenubundaki komşuları aleyhine dahi müteveccih bulunduğuna dahi işaret eylemiştik.

Gürcüstanda 1934 de tesis olunacak yeni hava hatları programı bizim fikrimizi temamile tastik ediyoruz. 6 Birinci Kânun tarihli „Zarya Vostoka" gazetesinin yazdığına göre 1934 de Gürcüstanda aşağıki şehir ve kasabalar arasında hava hattı tesis edilecektir:

Tiflis—Kutayis—Suhum, Kutayis—Ozurgeti—Batum, Kutayis—Mestiya, Tiflis—Manglis.

Bunlar yolçu hatları imişler. Bunlardan ilave 1934 de, Sovyet hükûmetinin administratif ihtiyacı

için lâzım gelen başka hatlar da açılacaktır. Bu hatlarda resmî posta ve resmî memurlar nakledilecektir. Bu maksada hizmet edecek hatlar şunlardır:

Telav—Şilda—Kvareli; Tsnoris - Tshali—Şirak, Tsnoris - Tshali — Lagodeki, Kutayis — Tkvibuli—Ambrolayri—Oni.

Bu suretle, Kafkasya bir hava hattı ağlarile örtülüyor, ki sayfiye zamanları için olmasına çok şüphe vardır.

Sivil tayyarenin askerî işler için ne kolaylıkla kolandığını nazari itibare alırsak, bu hava hatlarının asıl hedefi aşikâr olur.

Bir daha tekrar ediyoruz:

— Maksat harptır.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ ИНГУШСКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

ВЦИК СССР вынес решение об об'единении Чеченской и Ингушской автономных областей в одну Чечено-Ингушскую область. Согласно этого решения, в гор. Терк-Кала 6 тек. декабря состоялось заседание специального организационного бюро, которое должно было установить детали об'единения. Организационное бюро постановило созвать на 8 января 1934 г. об'единенную чечено-ингушскую партконференцию, а 12 января с'езд советов новой Чечено-Ингушской области

ЕЩЕ О „КОРЕНИЗАЦИИ"

В 1931 г. в руководящих советских хозяйственных и профессиональных организациях нац. областей Сев.-Кавк. края (без Дагестана) работало 52·5% „националов". На 1 июля 1933 г. количество „националов" понизилось до 19·7% (девятнадцать и семь десятых процента!), т. е., иными словами, пресловутая „коренизация" советского аппарата в нац. областях, о которой столько писалось в советской печати и которая должна была быть реализирована полностью в уже давно прошедшие сроки, не только не прогрессирует, но, наоборот, идет огромными шагами на убыль.

По отдельным областям состав руководящих органов аппарата (областных учреждений) на 1 июля 1933 г. представляется в следующем виде:

В Чеченской авт. обл. в областных учреждениях работает всего 3526 человек. Из них — горцев 392 чел., или 11·1%; горянок—28 чел., или 7·1% к числу „нацпрослойки" аппарата.

В Каб.-Балкарской обл. во всех областных учреждениях работаат 840 человек, из них горцев 136 человек, или 16·2%.

В областных учреждениях Карачаевской авт. обл. работает 719 человек, из них горцев 147 человек, что составляет 20·4%. Горянок—2, что составляет 1.3% к числу „националов".

В Черкесской области областные работники составляют 452 человек, из которых горцев 75 человек, или 16·6%; горянок— 10, или 13·3% к общему числу „националов".

В Адыгейской авт. обл. из 1299 работников областного аппарата—горцев 282 человека, или 22·5%, горянок—56, или 19·8% к числу „националов.

В Северо-Осетинской авт. обл. из 661 работника областных учреждений —287 горцев, что составляет 43·4%.

В общем же, повторяем, „националы" составляют в областных аппаратах всех областей только 19·7% к общему числу всех служащих. В 1931 же году они составляли 52·2% и это количество, согласно уверений большевиков, должно было неизменно увеличиваться.

НОВЫЕ АВИОЛИНИИ НА КАВКАЗЕ

В № 42 нашего журнала мы сообщали о том как советский милитаризм превращает Кавказ в базу своих воздушных сил. Мы отмечали, что советское воздушное строительство на Кавказе совершенно не оправдывается хозяйственными соображениями и преследует исключительно милитарные цели. План воздушного строительства, который должен быть реализирован в Грузии в 1934 г., всецело подтверждает высказанную нами точку зрения. В 1934 г. в Грузии, к отмеченным нами в № 42 воздушным линиям, должен прибавиться целый ряд новых линий, которые с уже существующими превращают Грузию, почти буквально, в сплошной аэродром. Новые линии подразделяются на „гражданские" и „административные" — последние „устанавливают воздушную межрайонную исполкомскую связь".

Из числа „гражданских" линий в 1934 г. должны быть открыты линии: Тифлис—Кутаис—Сухум, Кутаис—Озургети—Батум, Кутаис—Местия и Тифлис — Манглис. „Воздушную межрайонную связь" должны будут поддерживать линии: Телав—Шильда—Кварели, Цнорис-Цхали—Шираки, Цнорис-Цхали—Лагодехи и Кутаис—Тквибули—Амбролаури—Они.

Вся эта воздушно-строительная горячка говорит о том, что Советская Россия, готовясь к войне на своих дальне-восточных границах, посвящает не меньшее внимание и своих кавказским границам. Кавказ продолжает оставаться вулканом готовым вспыхнуть в каждый момент.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Президиум ВЦИК постановил образовать в пределах Северо-Кавказского края Северную область с центром в городе Миллерово. В состав новой области войдут: Верхне-Донской, Вешенский

Леоно-Калитвенский, Миллеровский и Обливский районы Северо-Кавказского края.

— Бейтал Калмыков—„правитель" Кабарды получил за подписью Кагановича телеграмму, в которой сообщается, что „столица мирового пролетариата" Москва принимает „шефство" над Нальчиком.

— Чеченский „национальный" театр готовит новую пьэсу „Золотое дно". Автор—Саид Бадуев. Тема пьэсы—„борьба за нефть рабочих-чеченцев". Переводится на чеченский язык пьэса „Анзор" и намечен к переводу „Ревизор". К этому необходимо добавить, что „национальный" театр Чечни назван даже „Гроз. рабочим" театром „кочующим". Чеченский театр, действующий в областном центре, до сих пор не имеет помещения и вынужден „кочевать из клуба в клуб". Художественная студия театра „втиснута в небольшую комнатушку", теснота помещения „отзывается на качестве учебы" и на все жалобы дирекция „получает только обещания".

— 1 декабря т. г. исполнилось 25 лет литературной деятельности азербайджанского писателя Симурга (Таги Шахбази). Симург принадлежит к числу старых большевиков и в ком. партии состоит с 1915 г. В 1917 г. он состоял членом ред. коллегии коммунизующей газеты „Гуммет", а затем редактором газеты такого же направления „Джелуб Тауши". В 1919 г. Симург бежал из Азербайджана в Москву и вернулся в Баку с приходом большевиков. Несмотря на такой „стаж", Симург в настоящий момент не пользуется особенным благоволением правящей власти. Газета „Заря Востока", в заметке, посвященной юбилею писателя, пишет, что в своем творчестве Симург „не достаточно четко и ярко вскрывает огромный смысл совершившихся событий" и что „овладение методом социалистического реализма—ближайшая задача этого талантливого писателя".

— Президиум Центр. контр. комиссии Азерб. ком. партии снял с работы и исключил из рядов партии зам. пред. Агджабединского РИК'а Аббасова. Причина—„категорический отказ от выезда в район".

— В Черном городе у Апшеронского маяка строится новая нефтеналивная пристань с годичной пропускной способностью в 3·5 милл. тонн нефтепродуктов. Постройка вчерне должна быть закончена к началу навигации 1934 г.

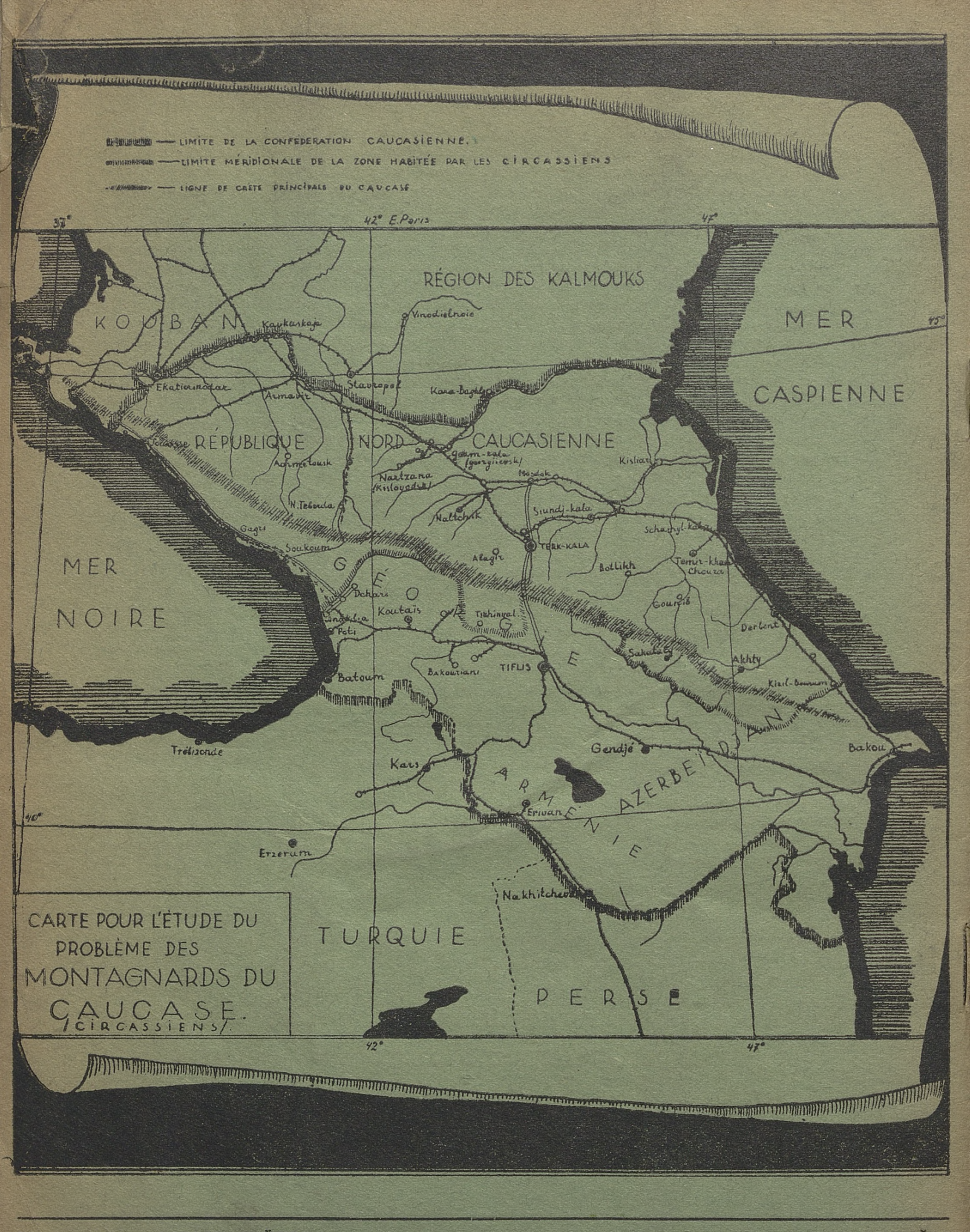
— Экспедиция советской Академии наук во время раскопок в Мильской степи, в Азербайджане, открыла остатки древнего города Бейлакана, существовашего в V—XV веке. Бейлакан стоял на персидском торговом пути и был связан с древней системой орошения Мильской степи. Сооружения системы были построены настолько рационально, что используются теперь для орошения хлопковых полей. Экспедиция обнаружила богатое собрание изразцов XIII века, часть с арабскими надписями. Раскопаны городская стена и древние ворота, построенные в V веке.

— Платиновый институт Академии наук СССР работами текущего года установил, что в медных рудах Аллавердского района кроме меди содержится еще ряд ценных редких элементов: гелий, индий, платина, палладий, олово.

— В районе Туркестанского хребта, в пределах нынешних Таджикистана и Киргизии, обнаружены крупные месторождения свинца, оловянного камня, сурьмы, ртути, рудного золота, вольфрама и асбеста. С 1934 г. советское правительство решило произвести детальную разветку района месторождений.

Поправка редакции

В № 45 на стр. 17 и далее написано: „Бритатты Созырыко", должно быть: „Бритатты Эльбыздыко".



Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН — Mecmuanın müdürü: BARASBI BAYTUĞAN

Адрес редактора — **Włodarzewska Nr. 17 m. 18, Warszawa, Pologne** — Müdürün adresi

Адрес администрации журнала — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Mecmua idarehanesinin adresi

Zakł. Gr. P. Szwede Warecka 9.